Александр АНДРЕЕВ
КАК ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ В РОССИИ?
Империя, ее народ и его охрана

Александр Радьевич Андреев
Максим Александрович Андреев

Как взять власть в России? Империя, ее народ и его охрана

Серия «Власть и Держава»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605985
Как взять власть в России?: Москва ; 2011

Аннотация

Уже рубились на стене слева от воротной башни. Грозно шумели вокруг всей крепости, и яростный рев раздавался в тех местах, где отчаянно штурмовали атакующие. На стене появился отчаянный атаман, и городской воевода наконец понял, что восставшие уже взяли крепость, которую он давно объявил царю всея и всея неприступной. Три сотни дворян и детей боярских вместе с воеводой безнадежно отступали к Соборной площади, в кровавой пене теряя и теряя людей.

Это был конец. Почти впервые народ разговаривал с этой властью на единственно понятном ей языке, который она полностью заслуживала. Клич восставших «Сарынь на кичку!» – «Стрелки на нос судна!» – валом катился по царству византийского мрака и азиатского произвола. По Дону и Волге летел немой рык отчаянного атамана: «Говорят, у Москвы когти, как у коршуна. Бойтесь меня, бояре, – я иду платить злом за зло!»

Содержание

Как можно сломать национальный характер? 4
Бунт Степана Разина и Петр Великий 27
Екатерина Великая и восстание Емельяна Пугачева 42
Мятеж декабристов и его последствия 54
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Александр Андреев, Максим Андреев
Как взять власть в России?
Империя, ее народ и его охрана

Как можно сломать национальный характер?

Более тысячи лет назад на восточнославянских землях образовались государства будущих русских, украинцев и белорусов. Русские люди жили во Владимирской, Ростово-Суздальской, Новгородско-Псковской, Смоленской, Муромо-Рязанской земле. Украинцы расселились в Киевской, Переяславской, Черниговской, Волынской, Галицкой земле, в Подолии, Закарпатье, Буковине. В болотистом Полесье, Полоцко-Минской земле, Западно-Двинском крае издавна жили белорусы. С X века средневековые авторы отмечали у трех восточнославянских народов трудолюбие, стойкость, мужество, гостеприимство, мудрость, доброту, свободолюбие. С конца XV века в исторических документах вместо слов «Русская земля», объединявших в себе понятие восточнославянских земель, стало употребляться слово «Россия». Кажется, в этом слове и слове «русский» объединились северное слово «русь» и южное слово «рос».

Образовавшаяся на этих землях в начале XVIII века Российская империя уже через сто лет занимала почти половину Европы и треть Азии. Насчитывавшее в конце XVI века семь миллионов человек население России в первой половине XIX века увеличилось до семидесяти, а к началу XX века – до ста семидесяти миллионов человек. Иностранные дипломаты в начале XIX века докладывали в свои столицы, что «Россия управляется случаем и держится силой тяжести». О российском народе и его создававшейся веками колоссальной территории уже более двухсот лет рассуждают имперские мыслители и философы.

В начале XIX века русский философ П.Я.Чаадаев писал: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Мы с изумительной быстротой достигли известного уровня цивилизации, которому справедливо удивляется Европа. Наше могущество держит в трепете мир, наша держава занимает пятую часть земного шара, но всем этим мы обязаны только энергичной воле наших государей, которой содействовали физические условия страны. Всякий народ несет в самом себе то особое начало, которое накладывает свой отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества. Это образующее начало у нас – элемент географический. Вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования. Она внушила нам слепую покорность силе вещей, всякой власти, провозглашавшей себя нашим владыкой. В такой нет места для общения умов между собой, нет места для логического развития мысли, для порывов души к улучшению жизни, нет места для сочувствия людей между собой». За эти слова император всероссийский Николай I лично объявил Чаадаева сумасшедшим, однако всю Россию он заставить замолчать не смог, хотя и очень этого хотел.

Выдающийся народный демократ Н.Г.Чернышевский писал во время правления сына Николая I Александра II: «По телосложению и чертам лица русские являлись путешественникам европейцами, близко родственными им складом ума. Но привычки и нравы, даже понятия русских казались им напоминающими Азию». За свои мысли о будущем российской государственности Чернышевский много лет активно преследовался властями и умер в

ссылке. Его соратник публицист Н.А.Добролюбов писал: «Мы, русские, часто бываем непоследовательны. Мы, русские, вообще как-то очень скоро и внезапно вырастаем, пресыщаемся, впадаем в разочарование. Растем мы скоро, истинно по-богатырски, не по дням, а по часам, но выросши не знаем, что делать со своим ростом. Нам внезапно делается тесно и душно, а развернуться негде, выпрямиться во весь рост невозможно. Сидим мы, съежившись и сгорбившись в совершенном бездействии, пока не расшевелит нас что-нибудь уже слишком чрезвычайное. Вся наша история отличается какой-то порывистостью. Вдруг образовалось у нас государство, вдруг водворилось христианство, скоропостижно мы перевернули вверх дном весь свой старый быт». Добролюбов, преследуемый цензурой, умер в двадцатипятилетнем возрасте. Великий русский писатель Ф.М.Достоевский писал о российском народе: «В русском человеке из простонародья нужно уметь отделять красоту от наносного варварства. Нашей историей народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив его красоту. Но он сохранил и красоту своего образа. Судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой своей мерзости постоянно вздыхает. А ведь и не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие: сами светят и всем нам путь освещают. Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. Идеалы его сильны и святы. Они-то и спасли его в века мучений, навеки наградили его простодушием и честностью, искренностью и широким открытым умом. А если при этом так много грязи, то русский человек и сам тоскует от нее и верит, что это все – лишь наносное и временное, дьявольское наваждение, что кончится тьма и что непременно когда-нибудь воссияет вечный свет». Великому русскому писателю власти провели имитацию расстрела и отправили на каторгу, из которой он вернулся чудом.

В начале XX века великий русский историк В.О.Ключевский писал о русском характере: «Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее русского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу». О политике властей Ключевский резко высказывался только в узком кругу: «Москва как всегда – впереди живот и кулак, а голова – в ж…». Евразиец Е.Н.Трубецкой, почти не переживший революцию 1917 года, писал: «Нам тщательно внушали мысль, что Россия – или народ – мессия, или ничто, что вселенское и русское одно и то же. Когда же рушится эта дерзновенная мечта, мы сразу обычно впадаем в преувеличенное разочарование. Присущий нашему национальному характеру максимализм заставляет нас во всех жизненных вопросах ставить дилемму: «или все, или ничего». Вот почему мы от чрезмерности возвеличивания так легко переходим к чрезмерности отчаяния. Или Россия – народ-богоносец, или она – ничтожнейший народ, или даже совсем не народ, а бессмысленный механический конгломерат, колосс на глиняных ногах, который скоро рухнет от внешнего удара. Мы должны увидеть в России не единственный избранный народ, а один из народов, который вместе с другими призван делать великое дело Божие, восполняя свои ценные особенности столь же ценными качествами всех других народов-братьев».

В конце XIX века многие выдающиеся философы пытались разобраться в российском характере. Высланный большевиками в 1922 году на «философском пароходе» из России С.Л.Франк писал: «Русский человек либо имеет в своей душе истинный «страх Божий», подлинную религиозную просветленность, и тогда он являет черты благости и величия, изумляющие мир. Либо он есть чистый нигилист, который уже не только теоретически, но и практически ни во что не верит и которому всё позволено. Нигилизм – неверие в духовные начала и силы, в духовную первооснову общественной и частной жизни – одновременно

с глубокой нетронуто-цельной религиозной верой коренное, исконное свойство русского человека». Назвавший большевиков «грядущими хамами» поэт и писатель Д.С.Мережковский говорил о «больной России» начала XX века: «В страшной свободе духа, в способности внезапно отрываться от почвы, от быта, истории, сжигать все свои корабли, ломать всё своё прошлое во имя неизвестного будущего заключается одна из глубочайших особенностей русского духа. Нас очень трудно сдвинуть. Но раз мы сдвинулись, мы доходим во всём, в добре и зле, в истине и лжи, в мудрости и безумии, до крайности». Выдающийся русский философ и пассажир «философского парохода» Н.А.Бердяев писал о «душе России»: «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своём верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи. Историческая судьба русского народа была несчастной и страдальческой, и развивался он катастрофическим темпом, через прерывность и изменение типа цивилизации. Противоречивость русской души определялась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элемента. У русских «природа», стихийная сила сильнее, чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры. Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности. Русские историки объясняют деспотический характер русского государства необходимостью оформления огромной, необъятной русской равнины. Ключевский сказал: «государство пухло, народ хирел». Для русских характерно совмещение и сочетание полярно противоположных начал. Россию и русский народ можно характеризовать лишь противоречиями. Русский народ одинаково можно характеризовать как государственно-деспотический и анархически-свободолюбивый, склонный к национализму и национальному самомнению, а также как народ универсального духа, более всех способный к всечеловечности, жестокий и необычайно человечный, склонный причинять страдания и до болезненности сострадательный. Русский народ был народом государственным – это остаётся верным и для советского государства – и вместе с тем это народ, из которого постоянно выходила вольница, вольное казачество, бунты Стеньки Разина и Пугачёва, революционная интеллигенция, анархическая идеология, народ, искавший нездешнего царства правды. В созданном через страшные жертвы огромном государстве-империи этой правды не было. Нет пределов смеренному терпению многострадального русского народа. Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. Рыцарство куёт чувства личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире. Бюрократия развилась до чудовищных размеров. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Русскому народу чужд империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором его сердце не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и в относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны. Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мериться с звериным государством в относительном».

Русская бюрократия попыталась увести своих мыслителей от обсуждения государственности к никчемным размышлениям о русской национальной идее, которой нет. Вельможам в начале XIX века ответил «сумасшедший» Чаадаев: «Среди причин, затормозивших наше умственное развитие и наложивших на него особый отпечаток, следует отметить

две. Во-первых, отсутствие тех центров, тех очагов, в которых бы сосредотачивались живые силы страны, где созревали бы идеи, откуда по всей поверхности земли излучалось бы плодотворное начало. Во-вторых, отсутствие тех знамен, вокруг которых могли бы объединяться тесно сплоченные и внушительные массы умов». Многолетний министр народного просвещения России С.С.Уваров косноязычно выдвинул официальную имперскую доктрину, которую власть попыталась превратить в государственный фетиш: «Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одной жемчужины из шапки Мономаха. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия. Наряду с этими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное – народность».

Уваров, само собой, не смог объяснить, что он вкладывает в понятие народность. «Народ – это который в поле пашет». Великолепный Чернышевский писал: «Основное наше понятие – то, что мы во всё вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся, бессильны и даже смешны. Мы хотим все сделать силой прихоти, бесконтрольного решения. Первое условие успеха, даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались всему. Каждый из нас маленький Наполеон, или Батый. Но если каждый из нас Батый, то, что же происходит с обществом, которое все состоит из Батыев? Архи-Батыям простые Батые повинуются так же безусловно, как им в свою очередь повинуются баскаки, а баскакам – простые татары, из которых каждый тоже держит себя Батыем и в покоренном ему кружке завоеванного племени. Прелестнее всего, само это племя привыкало считать, что так и должно быть и что иначе невозможно. Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собой, так что Бог знает, сколько поколений пройдет по нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям».

Надежды на цивилизованное будущее России были окончательно разбиты серым кардиналом Александра III К.П.Победоносцевым, на всю Россию заявившим, что «парламент – это учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов депутатов». Выдающийся философ Д.Л.Андреев писал в «Розе мира»: «В нашей истории должно было быть, но, к великому нашему горю и горю всего мира, не совершилось культурное паломничество на Восток и Юг. Пока мы не освободимся от нашей национально-культурной спеси, пока не перестанем чувствовать так, как если бы Россия и в самом деле была лучшей страной на свете, до тех пор из нашего огромного массива не получится ничего, кроме деспотической угрозы для человечества».

Первым полноценным деспотом на троне Московского царства стал маньяк и убийца Иван IV Ужасный, разделивший российскую историю на два периода – до и после своего правления. Именно он стал родоначальником страшной Смуты начала XVII века, чудом не погубившей Россию. Именно после Ивана Ужасного, попытавшегося сломать русский национальный характер, в стране чередой пошли бунты, мятежи, восстания, крестьянские войны, заговоры и перевороты. Национальный философ К.Леонтьев писал: «Византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы проникают насквозь весь великорусский общественный организм. Даже почти все наши большие бунты никогда не имели ни протестантского, ни либерально-демократического характера, а носили на себе своеобразную печать лжелегитимизма, то есть того же родового и религиозного монархического начала, которое создало все наше государственное величие. Бунт Стеньки Разина не устоял, как только его люди убедились, что государь не согласен с их атаманом. К тому же Разин постоянно старался показать, что он воюет не против царской крови, а только против бояр и согласного с ними духовенства. Пугачев был умнее, чтобы бороться против прави-

тельства Екатерины, сила которого была несравненно больше сил допетровской Руси. Он обманул народ, он воспользовался великорусским легитимизмом, назвав себя царем Петром Третьим. Монархическое начало является у нас единственным организующим началом. И это же самое начало служит знаменем бунта? Да!»

Бунтовали разинцы, восставали пугачевцы, поднимали мятеж декабристы, взывали идеологи революционного демократизма, грозно и успешно противостояли власти народовольцы и отчаянные эсеры, проложившие дорогу к власти большевикам В. Ленина. С ним с переменным успехом боролись приказы, канцелярии и экспедиции тайных дел, Третье отделение канцелярии российского императора, жандармы, охранные отделения и полиция. Дело кончилось Октябрьской революцией – переворотом 1917 года, о которой талантливый И.Ф.Стравинский писал: «Коммунистическая революция бросила Россию в объятия марксизма, системы самой что ни на есть европейской, западной. Но, поразительная вещь, эта интернациональная система сама быстро подверглась изменению, и Россия вновь впала в чистейший национализм и шовинизм, которые вновь коренным образом отделили ее от европейской культуры».

В России началась кровавая сталинская эпоха, с трудом завершившаяся правлением слесаря Н.Хрущова и его невольного последователя Л.Брежнева. В 1991 году власть в российском государстве сменилась. Лауреат Нобелевской премии по литературе и великий антисталинист А.Н.Солженицын писал о будущем России в XXI веке: «Мы должны строить Россию нравственную, – или же уже никакую, тогда и все равно. Все добрые семена, какие на Руси чудом не дотоптаны, – мы должны выберечь и вырастить».

Как взять власть в России? Об этом хорошо знают Российская империя, ее народ и его охрана.

При распаде Киевской Руси в середине XII века право на государственную власть осталось в руках династии Рюриковичей. Князья Полоцкие расселились на белорусских землях. Потомки Ярослава Мудрого правили на украинских территориях. От Мономашича Юрия Долгорукова произошли владимирские князья. В сотне древнерусских княжеств-уделов существовали две формы власти – княжеская и вечевая.

Высшей властью в Древней Руси было народное собрание – вече, решавшее проблемы войны и мира, призвания и изгнания князей. Вечевые собрания собирались самим народом или выборной властью по звону вечевого колокола. Решения принимались не голосованием, а криком и часто на вече побеждали не здравомыслящие, а громкокричащие. Это позволяло манипулировать народным собранием.

Главу государственного образования славяне издавна называли князем. Первоначально выборные князья – вожди племен стремились закрепить свои уделы в наследственное владение. С X века старшего князя дома Рюриковичей стали называть великим князем. Высшую политическую власть князя олицетворяли его права и обязанности – воевать, собирать дань, управлять, законодательствовать, судить. Князю помогала дружина, конные воины, находившиеся на его содержании. В дружинном товариществе князь являлся первым по крови среди равных по доблести.

Управлять князю помогали бояре, потомки родоплеменной знати, крупные землевладельцы и известные воины. Земские бояре назывались по имени своих городов. Княжеские бояре за службу получали землю.

Как только слабела власть князя, тут же усиливалась власть бояр. Их политическое влияние постоянно росло.

В Древней Руси существовали три сословия. Высшим были бояре и земская аристократия. Основная масса населения, соединенная в общины, называлась людьми – мужами и

смердами. Низшим сословием являлись холопы, лишенные прав рабы. Существовали церковнослужители, не подчинявшиеся князьям.

Люди разделялись на горожан – посадских, купцов, ремесленников, и на сельчан – смердов и закупов. Люди были лично свободными. Они не состояли на службе князя, но платили ему дань, торговые пошлины, несли натуральные повинности. Торгово-ремесленное население городов составляли посадские. Крестьяне жили в деревнях, небольших поселениях без церкви, с пашнями, сенокосами, лесными угодьями. Сёлами называли центры боярского землевладения с церковью. Всё свободное сельское население, государственные крестьяне, жившие на княжеской земле, назывались смердами. Холопами называли «домашних рабов», считавшихся собственностью владельца.

В июне 1157 года на владимирский стол был избран внук Владимира Мономаха и сын Юрия Долгорукова Андрей Боголюбский. Эта дата стала датой создания самостоятельного государства на северо-востоке Древней Руси. Владимо-Суздальское княжество стало политическим центром Русской земли. В 1174 году князя Андрея Боголюбского убили. Новым владимирским князем стал Всеволод Большое Гнездо. Он стал могущественным государем, войско которого могло «Волгу вёслами расплескать и Дон шлемами вычерпать». Великий князь Всеволод увеличивал свои земли военными победами, усиливал свое влияние с помощью дипломатических интриг, вмешивался во внутренние дела других князей, ссорил их между собой. После его смерти в 1212 году многочисленные претенденты на владимирский трон долго воевали между собой, в 1216 году погубив в кровавой Липецкой битве цвет русского войска. Обширное государство Всеволода Большое Гнездо распалось на десяток княжеств, без труда в середине XIII века разгромленных татаро-монголами Чингизхана и Батыя.

Автономию русских княжеств в составе Золотой Орды удержал великий владимирский князь Александр Невский, разбив в 1240–1242 годах атаковавшие русские земли шведские и немецкие войска в битвах на Ижоре и в Ледовом побоище. После его смерти от переутомления в 1263 году между его сыновьями началась многолетняя резня сыновей за великий стол. В Северо-Восточной Руси образовалось четыре великих княжества – Владимирское, Тверское, Нижегородское и Московское. На севере богатела Новгородская боярская республика, на западе и юге развивались Смоленское и Рязанское великие княжества. Единой государственной власти в Русской земле больше не было. В Москве стал править младший сын Александра Невского Даниил, с трудом получивший княжение в маленьком деревянном городе на холме.

Даниил Александрович отстроил крохотный город в глуши, развил земледелие, ремесла и торговлю – Москва стояла на перекрестке дорог в Новгород, Владимир, Смоленск, Киев. К началу XIV века московский князь стал одним из влиятельнейших князей Русской земли.

Усилению Москвы очень помогло присоединение родовых земель Александра Невского – Переяславль-Залесского княжества, которое подарил Даниилу Московскому его бездетный племянник, князь Переяславский. Тринадцатилетний Иван Данилович, впоследствии ставший Калитой, с восхищением смотрел, с каким искусством его отец войной и дипломатией сумел сделать невозможное – отстоять подаренные земли от родственников-конкурентов, как всегда заявлявших о незаконности действий московского князя. О своих незаконных действиях конкуренты молчали. Все решили демонстрация воинской силы, власть денег и искусная дипломатия младшего сына Александра Невского. Присоединение Переяславского княжества, в несколько раз больше Московского, вошло в анналы истории Русской земли как образец московской политики.

Завещание о дарении Переяславля Даниилу Московскому было доставлено в город на холме верными дружинниками умиравшего князя Ивана Переяславского. На почти двухсот-

километровом пути они трижды уходили от боярской погони, организованной противниками Москвы. Сразу же донос о завещании получил Великий Владимирский князь Андрей, сын Невского и брат Даниила. Его полки тут же заняли Переяславль-Залесский. Копия завещания князя Ивана была найдена и уничтожена. Нет документа – нет дарения.

Даниил Московский полки в Переяславль не посылал, зная, что москвичам не выстоять перед великим князем. Он объявил московскому баскаку-наблюдателю от Золотой Орды о дарении «отчины его отца», подкрепив сообщение дорогими подарками. Даниил Московский сказал, на совете княжества, что будет ждать депутатов из Переяславской земли с приглашением на княжение. Само собой, без разрешения великого хана он приглашения не примет.

Московские дружинники тайно пробрались в Переяславль и через владимирские заставы помогли депутатам добраться до Москвы. Переяславское посольство было показано баскаку и в столицу Золотой Орды Сарай с благожелательной рекомендацией баскака с большой казной ушло московское посольство. Великий Владимирский князь перехватил два ложных посольства, но настоящие московские послы кружным путем через Новгород благополучно добрались до Золотой Орды.

Переяславль молниеносной атакой взял лучший московский конный полк, активно поддержанный из города. Младшего сына Александра Невского любили не только в Переяславле, но и во всей Руси. Отборные московские дружинники задержали всех чиновников великого князя, никого не убив, и выслали их из Переяславля. Войска Андрея Александровича ринулись на Переяславль-Залесский, но далеко перед городом были остановлены московскими полками, к которым на помощь пришли войска Твери и Новгорода. Князь Даниил сумел договориться с тверским князем, а новгородцев и просить не пришлось – они были недовольны завышенной данью Владимиру. Силы Андрея и Даниила были равны и боя не произошло. Заносчивый владимирский князь послов в Золотую Орду не посылал, но Даниил Александрович получил из Сарая ответ великого хана. Ответ на московское посольство готовили ордынские чиновники, получившие большие подарки – «разбирайтесь между собой сами, без задержки и уменьшения наших даней».

Великий владимирский князь отозвал полки и собрал общерусский княжеский съезд для решения переяславской проблемы. Съезд ничего не решил – Москва заявила, что не отдаст Переяславль никогда и ни за что, а наглого великого князя, задолго до этого впервые на Руси пригласившего татарские войска помочь ему незаконно захватить великий стол у старшего брата Дмитрия, отца Ивана Переяславского, не поддержал никто из русских князей. Великий князь послал в Золотую Орду посольство с подарками вдвое большими, чем Москва, но время было уже упущено. Владимирское посольство не успело дойти до Сарая, как в нем в результате очередного кровавого переворота сменился великий хан. Владимирцев просто ограбили, не допустив к новому великому хану – Золотой Орде было не до мелких пограничных споров в дальнем бедном улусе. Через год великий владимирский князь Андрей умер, и Переяславское княжество окончательно осталось за Москвой, в несколько раз усилив её экономическую и политическую мощь. Это позволило Москве победить Тверь за высшую власть на Руси. Даниил Московский, рачительный хозяин, создал сильное и профессиональное войско. Из Чернигова он принял знатного боярина, приведшего с собой тысячу тяжеловооруженных всадников. Это было очень много – именно с тысячей воинов Александр Невский в 1240 году разбил пятитысячное объединенное шведско-финское войско, за что и получил свой почетный титул. Атакующую мощь Москвы наряду с московской и переяславской дружиной составила знаменитая кованая рать.

Смерть Даниила Московского в 1303 году помешала ему по старшинству стать великим владимирским князем. После его смерти по тогдашнему русскому лестничному праву

московские князья потеряли право на великое княжение на Руси. Дети мудрого Даниила Московского не согласились со статусом удельных князей.

Нельзя по княжескому закону – можно по воле Золотой Орды! Московский князь Юрий Даниилович женился в Сарае на Кончаке, сестре могущественного великого хана Узбека. Через год в бою князь Юрий с женой был взят в плен тверичами и владимирцами. Вскоре в тверском плену при загадочных обстоятельствах Кончака неожиданно умерла. Пока шло разбирательство, великий тверской и владимирский князь Михаил несколько раз штурмовал Москву, пытаясь убрать отчаянных политических конкурентов. Многие русские правители в борьбе за власть не берегли жизни своих подданных, а обществу говорили о необходимости силой добиваться единства в стране, конечно для ее процветания и величия. Третья осада Москвы чуть не окончилась победой великого князя.

Тверское войско, в несколько раз превышавшее московские полки, почти прорвалось в город на холме. Отчаянная рубка шла у всех московских ворот. Уверенный в победе Михаил Тверской бросил на главные башенные ворота весь свой резерв и приказал трубить победу. Казалось, измученные многодневным штурмом московские воины бьются из последних сил. В этот момент прямо в лоб свежим тверским полкам вынеслась прибереженная на этот крайний случай московская кованая рать. Сумасшедший удар высоких бойцов удержать было невозможно и мгновенно вырубленные тверичи просто исчезли. С дырой по фронту деморализованные войска великого владимирского и тверского князя откатились от осажденного города. Рубить их в спину москвичи не стали. Ярость и боевое мастерство московских воинов и воевод отмечали многие исследователи средневековой Руси.

В 1314 году великим владимирским князем стал Иван Данилович Калита Московский. Многие историки писали о том, что в борьбе за власть московские князья придерживались принципа «цель оправдывает средства». Мало в каких княжествах соблюдали права и законы в борьбе за власть до или после XIV столетия. Многие государственные деятели всех времен и народов давно доказали, что если не бить врага его оружием – погибнешь. А многих доблестных рыцарей, непобедимых на поле брани, обычно убивали в спину.

При Иване Калите в Москву переселился владимирский митрополит, и столица Московского княжества стала церковной столицей Руси. При его сыне Симеоне Гордом в Москву из Владимира перенесли и столицу всех русских земель. Великое Московское и Владимирское княжество стали называть Московией, а русских – московитянами. История Москвы превратилась в историю России.

Чума середины XIV века обезлюдела Русь. В 1359 году во главе Московского княжества встал девятилетний внук Ивана Калиты Дмитрий. Будущее России спасли митрополит Алексий и святой подвижник Сергий Радонежский. Алексий, человек огромного ума, широкого политического кругозора и большого такта стал фактическим правителем Московского государства. Как верховный глава русской церкви, Алексий имел широкую поддержку православного населения и обладал реальной властью над всеми русскими князьями. Духовный и нравственный авторитет игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского был незыблем. На Руси было на кого равняться.

Подготовка в получении государственной независимости от Золотой Орды осложнялась борьбой с Великим княжеством Литовским. Выдающийся литовский князь Ольгерд Гедиминович в Трокайской и Рудавской битвах разбил войска Тевтонского ордена, в 1363 году в битве у Синих Вод разгромил войска Золотой Орды. Ольгерд занял часть черниговско-северских земель, бассейны рек Днестра и Днепра, Киевскую, Подольскую и Волынскую земли. Поддержанные Тверью литовские полки трижды доходили до Москвы и штурмовали его Кремль, при Алексии ставший белокаменным. Ольгерд требовал у Алексия

переехать в Киев или открыть там отдельную литовско-русскую православную митрополию. Алексий не соглашался.

В январе 1358 года с пастырским визитом Алексий поехал в Киевскую землю. Он был захвачен Ольгердом, отказался от его предложений и был посажен в Киевскую земляную тюрьму. Через несколько месяцев элитный отряд московских дружинников почти среди бела дня выкрал из центра Киева московского митрополита Алексия. Благодаря заранее подготовленным подставам отряд быстро пошел на Москву. Ольгерд пришел в ярость и выслал за митрополитом большую погоню. Его лучшие воины смогли несколько раз догнать отряд – обессиленного Алексия не могли совсем быстро везти в люльке между двух коней. Русские дружинники понимали, что везут будущее страны. Они не стали оставлять заслонов, и все вместе разворачивались и останавливали литовцев. Ярость и боевое мастерство москвичей не позволили отчаянным литовцам отбить или убить надежду России. Поредевший отряд героев, прошедший с бешенными сшибками невозможную тысячу километров, дошел до Москвы и измученный Алексий силой воли смог выжить. Все увеличившаяся и увеличившаяся за счет лучших литовских рыцарей погоня великого князя Ольгерда была целиком стерта с лица земли заслонами Москвы, расставленными по всей русско-литовской границе. Пленных разъяренные москвичи не брали ни за какой выкуп и позднее Ольгерду не хватило элиты для управления страной. Это стало одной из причин фактического подчинения Великого княжества Литовского Польской Короне после Кревской унии 1385 года.

В сентябре 1375 года по решению княжеского съезда полки двадцати русских князей во главе с Москвой пошли на Тверь. Упрямый город сдался, и Михаил Тверской отказался от притязаний на великое княжение в Русской земле. Через два года умер Ольгерд Гедиминович, и Москва смогла начать открытую борьбу с Золотой Ордой. Теперь московские послы могли сказать великим ханам – «не ходите на Русь, там живет ордынская смерть!». В сентябре 1380 года объединенные русские полки разбили войска правителя Золотой Орды эмира Мамая.

Борьба Москвы и Сарая заняла еще сто лет и закончилась во время правления великого князя Московского и всей Руси Ивана III Грозного. При нем сословия делились на несколько групп. Ивану III служили бояре, окольничии, стольники, дворяне, дети боярские. Все они назывались служилыми людьми, являлись лично свободными, были обязаны государю военной или административной службой, имели право владеть землей и крестьянами. Большими сословиями являлись лично свободные крестьяне – «люди черные», и горожане – «люди земские». Черные люди владели землей и платили великому князю подати – тянули тягло. Свои крестьяне были у служилых людей-землевладельцев, свободных от налогов, но обязанных службой государю. Другие служилые люди получали казенные земельные наделы без крестьян. Земские люди в городах занимались торговлей и промыслами.

Со времен Ивана III Грозного великие московские князья стали считать себя самодержавными правителями, властителями по Божьему соизволению. Иван III безусловно этого заслуживал. При нем одну из ведущих ролей в государстве начали играть дворяне, быстро превратившиеся в многочисленное сословие.

«Люди двора» упоминались в исторических источниках с начала XIII века. Так называли служащих князьям и крупным боярам-вотчинникам людей. За свою службу дворяне получали поместья, земли в пожизненное пользование. С времен Ивана III поместная усадьба имела специальную сторожевую башню-повалушу, обычно трехэтажный деревянный сруб. Низ башни использовался как жилые и хозяйственные помещения. Верхние этажи, соединявшиеся с нижними через люки-западни, были приспособлены для боя. Юридиче-

ской процедуры пожалования дворянства с документальным подтверждением долгое время не существовало. Государям так было удобней.

В ноябре 1472 года женой великого московского князя стала византийская царевна Софья Палеолог, племянница последнего императора Византии Константина, погибшего в 1453 году при штурме Константинополя турками. Великий московский князь и государь всея Руси стал преемником византийских императоров и единственным православным правителем. Иван III Васильевич прекрасно знал механизмы власти и управления двух колоссальных империй – Византии и Золотой Орды. Великий московский князь впервые в Северовосточной Руси создал огромное централизованное государство. Поздней осенью 1480 года хан Золотой Орды Ахмат во главе огромного войска на реке Угре атаковал намного меньшее войско Ивана Московского. Четыре дня речной лед заливала кровь, но русские полки не сдвинулись ни на шаг. В ноябре хан Ахмат увел войско назад, в степь. Сорокадневное стояние на реке Угре закончилось победой Москвы. Ахмата вскоре зарезали, а через двадцать лет с политической карты мира исчезла и Золотая Орда. 12 ноября 1480 года стало днем рождения независимой Московской Руси. Разгром Золотой Орды произвел большое впечатление во всех русских землях и в Европе. Русские посольства встречали Рим, Венеция, германские княжества, Венгрия, Турция, Персия, Дания. Император Священной Римской Империи предложил Ивану III Грозному королевский титул и получил резкий ответ: «Мы, Божьей милостью, государь на своей земле изначала, и поставление имеем от Бога. А поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим». Иван III соединил двуглавого орла из византийского герба с московским Георгием Победоносцем. В 1492 году митрополит Зосима впервые назвал Ивана III Грозного «Государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином новому граду Константина – Москве». Происходивший от римского «цезарь» титул являлся высшим после императорского. Слова «царь, государь и самодержец» в титуле Ивана III означали независимого, самостоятельного правителя, никому не платящего дань и никому не дающего ни в чем отчета.

Новая политическая теория о русском царстве, занявшем место Византийской империи, была сформулирована в посланиях старца Филофея: «Московский государь – единственный царь христиан, в единое царство которого сошлись все пришедшие в конец царства. Два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть».

В 1498 году произошло первое венчание наследника московского престола шапкой Мономаха, ставшей символом русского самодержавия. Позднее выработался весь ритуал возведения на царство – возложение венца – короны, барм, скипетра, державы, облачение в порфиру, произнесение символа исповедания веры и миропомазание. Единодержавие стало самодержавием.

Мнение, что именно с Софьей Палеолог на Русь пришли византийское коварство, интриги, изощренная двуличная политика, верно только отчасти. Политика князей Московского дома никогда не была простой и примитивной. Самый страшный хан Золотой Орды Узбек заявлял Ивану Калите, что он, очень умный и хитрый князь, создавал могущественное государство, чтобы получить независимость от верховной монгольской власти. Судьбы Москвы и Руси часто висели на волоске жизни ее великих князей. Если бы в середине XIV века в споре за власть на русских землях победило бы Тверское княжество, то оно скорее всего вывело бы Русь на Куликово поле намного раньше времени. Еще не родившееся Русское государство было бы тут же уничтожено беспощадным ударом могущественной тогда Золотой Орды. Москва, выждала, собрала все силы и ударила насмерть. Если бы в 1453 году за Константинопольскими стенами сидел Иван Калита, турецкий султан там бы даже не появился. Калиту обвиняли в обирании русских княжеств под предлогом отправки даней в Золотую Орду. Серебро Москвы частыми обозами шло в Сарай, чиновники которого сквозь пальцы смотрели на усиление Московского княжества. Не было бы в Орде московского

серебра – тут же был бы дан ход доносам на Ивана Калиту. Доносов всегда было в избытке – князья Рюрикова дома не жалели пергамента для борьбы с Москвой. Со времен Калиты многие государи интересовались методами и формами власти в Москве, для перенимания новых идей. Выдающийся русский историк В.О.Ключевский однажды сгоряча назвал московских князей серыми посредственностями, неотличимыми друг от друга, впрочем, сразу же себя и опровергнув. Князья Московского дома, вошедшие в русскую историю со звонкими именами Гордый, Красный, Храбрый, отчаянно работали над созданием российской государственности, часто от переутомления не доживая до сорока лет. Именно их труды позволили России пережить Ивана IV Ужасного, почти сломавшего русский национальный характер, и вызванное им Смутное время начала XVII века. Царь, государь и великий князь всея Руси Иван III Васильевич писал продолжателям своего дела: «Волны бьют о камень и ничего камням не делают, а самы рассыпаются пеной и исчезают как бы нам в посмеяние. Держите имя моё честно и грозно!». Изуродовать государство, впрочем, активно постарался уже его внук.

В семилетнем возрасте великий московский князь Иван IV остался сиротой. Десять лет в Москве дрались боярские группировки, о которых польские дипломаты доносили в Варшаву, что «бояре едва не режут друг друга ножами». Всё древнерусское общество было поражено тем, как бояре годами воевали друг с другом за сферы влияния в государстве, сводили счёты. Авторитет боярства в стране значительно снизился, хотя до 1547 года Московским государством правила Боярская Дума, члены которой вели непрекращающуюся борьбу за чины, титулы, должности.

В январе 1547 года семнадцатилетний Иван IV принял титул царя и начал править – так, как учили, как сам видел в детстве. Старую систему управления – Государев двор во главе с боярами – сменила приказная система.

Приказы, от слова «приказ, команда, поручение», зародились из даваемых боярам государевых поручений. Непосредственно поручения царя стали выполнять грамотные люди, дьяки, почти единственные образованные люди в стране. Сначала при дворе находились два дьяка, потом семеро. Поручения царя стали постоянными, появились должности казначея и печатника. Дьяки и их помощники подьячие работали в избах-канцеляриях, которые стали постоянно действующими государственными органами-приказами. Дьяки стали чиновниками правительства, образовали аппарат Боярской Думы, выполняли финансовые, военные, дипломатические поручения. Они постепенно набирали силу, становились дворянами, получали поместья, дослуживались до чина окольничего и даже боярина. Многие дворяне, которые не могли выдвинуться из среды многочисленных князей и бояр, шли служить в приказы. Уже при Иване IV была создана наследственная приказная бюрократия, обязанная своим возвышением лично царю и тесно связанная между собой. Образованные люди, видя, как управляется государство родовитыми боярами, захотели сделать это лучше. Их можно было использовать на благо государства, а можно было противопоставить боярам в борьбе за самодержавную власть, как пушечное мясо. Однако «пушечное мясо» быстро научилось стрелять само. Деятельность приказных людей начала определять лицо российского государства.

Были созданы десятки отраслевых и территориальных приказов. Делопроизводство в них велось чрезвычайно запутанными способами. Приказы были завалены нерешенными государственными делами, до частных дел руки вообще не доходили.

Иван IV любил воевать. Созданная при его деде армия в 1552 году захватила Казанское, 1556 году – Астраханское ханство. В 1558 году царь почему-то подумал, что он лично непобедим, сослал умных советников и воевод и стал править сам с помощью приказов. Он начал Ливонскую войну в Прибалтике. После первых успехов русские войска были разбиты армиями польского короля Стефана Батория, с трудом остановленного под Псковом.

В результате проигранной Ливонской войны Россия потеряла все побережье Балтийского моря. Виновником поражения был Иван IV, которого из-за непомерной жестокости в Европе стали называть Ужасным. В России услужливые дьяки переводили позорное прозвище как Грозный.

Воспитанный на презрении к человеческой жизни, Иван IV с детства любил издеваться над людьми. Однажды, когда он сжег бороды пришедшим к нему челобитчикам, в Москве началось восстание. Вооруженные москвичи ворвались в Кремль и перепуганный царь с трудом сбежал в подмосковное село Воробьево. Разъяренная многолетними царскими издевательствами толпа двинулась в Воробьево и ее появление повергло чрезвычайно трусливого царя в ужас. Используя веру народа в высшую власть, бояре обманом успокоили горожан, а потом жестоко подавили восстание. Бояре почему-то не понимали, что скоро их начнут убивать. Блестящая гвардия Ивана III Грозного сошла с исторической сцены, а внуки талантливых сподвижников создателя Русского государства не захотели подняться до уровня своих дедов. Бояре предложили Ивану IV Ужасному создать особый отряд дворцовой охраны.

В декабре 1564 года Иван Ужасный забрал в московских церквях самые почитаемые народом иконы и на сотнях нагруженных государственной казной подвод уехал из Москвы в Александровскую Слободу. Оттуда царь потребовал у Боярской Думы чрезвычайные полномочия. Дети великих отцов ответили Ивану покорным согласием и для начала выдали царю руководителя думы князя Александра Горбатого.

В феврале 1565 года был обнародован указ об опричнине, по которому территория Московского царства подлежала разделу на две части. Лучшие земли царь забрал в опричнину, земщина осталась под управлением Боярской Думы. Началось переселение населения из одной части государства в другую, что изменило русский национальный характер. Как можно жить, продолжать род, осваивать землю, строить дом, сажать сады, зная, что маньяк и садист на троне прикажет зимой, в мороз, переехать из южных Коломны и Тулы в северные Вологду и Устюг, бросив могилы дедов и прадедов и погубив при сумасшедшем переезде половину семьи.

Для реализации программы по разгрому государства Иван Ужасный создал особый корпус опричников. Царь казнил кого хотел, обязательно конфисковывал имущество погибших. Опричное войско безнаказанных убийц быстро выросло до 6 тысяч человек. В Московском царстве начался ад. Иван Ужасный издевался, пытал и казнил всех, кто ему противоречил, был уважаем в народе, доказательно возражал и был талантливее его. Сотням людей и их семьям рубили головы и везли их для отчета царю, людей сажали на кол, вешали, ссылали. Земли и имущество казненных Ужасный тут же присваивал. Опричники убивали и убивали тысячи и тысячи невиновных людей.

Митрополит Русской православной церкви Филипп попытался остановить сумасшедший царский террор. Он долго говорил с Иваном IV наедине и после разговора в кремлевском Успенском соборе лишил Ужасного благословения. На проповеди Филипп говорил о необходимости упразднить опричнину. Митрополита поддержало большое количество народа. Царь тут же объявил: «Я был слишком мягок к вам, но теперь вы завоете». Престиж маньяка и садиста на московском троне, и до этого невысокий, упал ниже низшего предела и Ужасный начал вакханалию – резню. Окружение главы Русской православной церкви холопы царя забили палками. Митрополиту Филиппу царь прислал отрубленную голову его брата. О сотнях убитых без суда и следствия ежедневно докладывали царю: «сегодня отделано столько-то человек».

Митрополита Филиппа осудили на царском опричном совете и суд Ужасного вынес ему обвинительный приговор. С митрополита прилюдно содрали мантию, клобук и увезли в ссылку, где и задушили. На страну опустилась опричная ночь. Иван Ужасный поменял добро и зло местами, а его опричники совершали убийства ради убийства, не забывая издеваться

над беззащитными и невиновными людьми. Иван IV лично собрал и уничтожил архивы русских княжеств. Он сам исправлял официальную летописную историю своего правления. Это ему не помогло – рукописи не горят. Правда об Иване Ужасном сквозь мрачные века дошла до нашего времени.

Народ считал опричников страшнее татар Золотой Орды. Все суды государства получили приказ Ивана IV: «Судите праведно, наши виноваты бы не были». Опричники набивали карманы, отнимая для этого у законных владельцев земли и имущество, конечно не забывая при этом их убить и оболгать без каких-то доказательств. В стране процветали наветы, подметные доносы без подписи. Кровавые погромы и убийства беззащитных и невиновных людей были возведены в ранг государственной политики. Сам царь плясал под псалмы, казнил казанских мусульман, не принимавших православие, после взятия Полоцка утопил всех местных евреев, устроил ужасающую резню в Новгороде. Вечером после дневных убийств царь всегда кощунствовал над молитвами. Ивану IV нравилось убивать.

В Московском царстве началось «великое разорение». Упадок экономики, сельского хозяйства, голод, чума в тридцати русских городах привели к гибели сотен тысяч людей. Некоторые исследователи пишут, что Иван Ужасный казнил людей меньше, чем было убито в Варфоломеевскую ночь в 1572 года, забывая добавить к казненным заваленную трупами Россию.

Крестьяне массами бежали на окраины государства. Опричники резали, убивали, грабили страну, не делая исключений даже для монастырей. В 1571 году войска крымского хана без особых усилий взяли и сожгли Москву. Как всегда перепуганный Ужасный убежал в Ростов и предложил Крыму забрать Астрахань. Было уже поздно. Поддержанное Турцией Крымское ханство решило покорить Московское царство. России повезло – возможная гибель государства смогла остановить царско-опричный террор. 1572 год стал концом опричнины. Весной 1572 года громадная крымская орда пошла на Москву. Царь, конечно, тут же с награбленной казной на пятистах подводах убежал на север, в Вологду. Судьбу государства решили земские войска. В битве при Молодях земская рать под командованием талантливых князей Михаила Воротынского и Дмитрия Воротынского пошли на Орду.

23 июля 1572 года стотысячное крымское войско во главе с ханом Девлет Гиреем встало у Оки. Хан уже «расписал всю русскую землю кому что дать, как при Батые». При хане находились турки – представители султаната, которому Девлет Гирей обещает взять Россию в течение года.

Двадцатитысячное русское войско прикрывало Москву со стороны Рязани, находясь в Коломне, Тарусе, Лопасне, Кашире, Калуге, растянувшись на пятьдесят километров. В местах возможных переправ были сделаны двойные частоколы из заостренных вверху бревен высотой до полутора метров. За частоколами зияли рвы. Крымская орда, имея пятикратный перевес в воинах, переправилась через Оку в трех местах, отбросила русские заслоны и по Серпуховской дороге ринулась в Москву. Давать полевое сражение у Серпухова Воротынский не стал, понимая, что победить нет никаких шансов. Выдающийся полководец Михаил Воротынский не сделал роковой ошибки и не погубил войско. Он пропустил Орду и вдруг рванулся за ней вдогон.

28 июля авангард Дмитрия Хворостинина ударил по татарскому арьергарду, которым командовали сыновья хана, имея отборную конницу. Яростные атаки русских удержать было невозможно и Девлет Гирей отправил на помощь сыновьям двенадцать тысяч воинов главной орды.

В пятидесяти километрах от Москвы у селения Молоди втрое больший татарский арьергард начал теснить передовой полк Хворостинина. Отчаянно отбиваясь, русские воины медленно пятились. Наступил критический момент боя, и Хворостинин вдруг резко развел

свой полк на фланги. Татарские всадники влетели в образовавшуюся дыру – перед ними были все пушки русского войска, за которыми в боевом порядке стояли все пятнадцать тысяч воинов Михаила Воротынского. Пушки ахнули раз, другой и третий и у Девлета Гирея не стало арьергарда. Орудийные воеводы князья С. Коркодинов и З.Сугорский отлично знали свое дело. Хан прекратил наступление на Москву и развернул Орду на Воротынского. 30 июля у Молодей между Подольском и Серпуховом началось пятидневное сражение, решавшее судьбу Российского государства.

На большом холме, вокруг которого были вырыты рвы, стояли деревянная передвижная крепость «гуляй-город» и восьмитысячный большой полк с главным воеводой. У подножья холма за рекой Рожай встали три тысячи стрельцов с пищалями. Остальные полки правой и левой руки князей Никиты Одоевского и Никиты Репнина, передовой полк Дмитрия Хворостинина, сторожевой полк Ивана Шуйского прикрывали фланги и тыл большого полка.

Утром 30 июля все войска Девлет Гирея пошли в сокрушающую атаку. Заслон из трех тысяч стрельцов выдержал сумасшедший удар и лег на месте весь. Восемьдесят тысяч татар пошли на восемь тысяч русских в «гуляй-городе». Весь день шел штурм позиций большого полка. Русские стояли насмерть и весь следующий день 31 июля, когда воды реки Рожай перемешались с кровью. Потеряв многих доблестных воинов с ногайским полководцем Теребердей-мурзой, орда к вечеру второго дня боя отошла в обоз.

1 августа Воротынского атаковал военный министр Крымского ханства Дивей-мурза. Десятки тысяч татар пытались, пытались и пытались разорвать боевые порядки русских. Во время одной из атак Дивей-мурзу захватил суздальский дворянин Иван Шибаев. Татары откатились по всему фронту.

2 августа отбивать Дивей-мурзу ринулся Девлет Гирей. Перед «гуляй-городом» в сумасшедших высверках стали рубились полки правой и левой руки. Вся татарская орда втянулась в кровавое сражение, в котором одного русского атаковали три татарских воина. В разгар битвы Воротынский ухитрился вывести из боя стоявший сзади большой полк и по оврагу за холмом с «гуляй-городом» повел его в тыл татарам. По особому сигналу все русские во главе с Хворостининым вышли из «гуляй-города» и по всему фронту атаковали орду. Довольный Девлет Гирей отдал приказ раздавить врагов. Когда герои Хворостинина безнадежно и яростно рубились в полном окружении, в тыл татарам со всего бешеного размаха ударил большой полк Воротынского и орды вдруг не стало. В отчаянной рубке погибли сын и внук Гирея, все турки. Весь следующий день русские гнали остатки татар Дивлет Гирея, потерявшего свое личное оружие. Раненный хан привел к Перекопу только каждого седьмого воина, вышедшего с ним в поход на Москву. Молниеносной войны не случилось.

Через полгода трус Иван Ужасный, конечно, обвинил героя Михаила Воротынского в несуществующей измене. Нравственный урод на троне лично пытал князя-победителя, умершего от ран. Именно после этой дикой расправы другой выдающийся русский военачальник князь Андрей Курбский и принял решение уйти в Литву.

Опричники, конечно, в сражении при Молодях не участвовали. Они объявили себя заболевшими или немощными, прятались и дезертировали. Царь, сам трус отчаянный, понял, что на фоне всеобщего возмущения его холопами, они больше не смогут его защитить, Иван IV отменил опричнину и адская машина террора уничтожила руководство опричников.

Семилетняя опричнина укрепила царскую власть и нанесла непоправимый ущерб государству. С политической точки зрения террор царя был абсолютно бессмысленным. Общество было деморализованным, опричная резня унесла десятки тысяч невинных людей. Опричный террор был беспрецедентным явлением в русской истории и навсегда приклеил Ивану IV ярлык царя-убийцы, жестокость и необузданность которого обрекла династию

Рюриковичей на бесславный конец. В 1581 году Иван Ужасный в очередном припадке сумасшедшей ярости убил своего сына – наследника трона, пережив его на два года. В 1583 году кошмарное царствование Ивана IV кончилось. Последствия его для страны преодолевались многие годы и десятилетия. Иностранные разведчики из Москвы докладывали своим начальникам в Европе о нравах времен Ивана Ужасного:

«Русские как бы рождены для рабства. Рабами и крепостными являются они все. Князья и вельможи обязаны проявлять свое рабство и ничтожество перед царем еще и в том, что они в письмах должны подписываться уменьшительным именем, например, «Ивашка», или «Петрушка, твой холоп».

В тех случаях, когда рабы и крепостные слуги из-за смерти и милосердия своих господ получают свободу, они вскоре опять продают себя. Так как у них нет больше ничего, чем бы они могли поддержать свою жизнь, они и не ценят свободы, да и не умеют ею пользоваться.

Русское управление должно считаться близким к тираническому. Вельможи должны без всякого стыда называть себя рабами и переносить рабское обращение. Они боятся своего царя весьма сильно, больше, чем Бога. Никто из них, под страхом наказания, не смеет самовольно выехать из страны.

Чтобы привлечь придворных на свою сторону, нужно относиться к ним почтительно и делать им подарки, часто не ради того, чтобы они что-либо хорошее сделали, но и чтобы они не сделали чего-нибудь плохого. С помощью подарков, которые они зовут «посулами», можно всего добиться».

Русские в обыкновенных разговорах доходят почти до богохульства, постоянно пользуясь бесстыдными выражениями. Рассерженные чем бы то ни было, они называют мать своего противника жидовкою, язычницей, нечистью, сукою и непотребной женщиной. Своих врагов, детей и рабов они бесчестят названиями выб…ков, или же грозят им тем, что позорным образом исковеркают им уши, глаза, нос, все лицо, и изнасилуют их мать».

К знаменитому завоеванию Сибири Иван IV не имел никакого отношения. Основателем огромного Сибирского ханства в начале XV века стал чингизид Хаджи-Мухаммед. Границами ханства с Московским царством стали склоны Уральского хребта, бассейны рек Оби и Иртыша. К началу XVI века Сибирское ханство было заселено слабо, улусных черных людей насчитывалось около тридцати тысяч. После начала опричнины начались постоянные набеги сибирского хана Кучума на пермские земли. В марте 1574 года в Александрову Слободу были вызваны именитые люди Строгановы, талантливые промышленники и купцы, имевшие земли в Сольвычегодске и по реке Тоболу. Иван IV пожаловал Строгановым земли Сибирского ханства по реке Чусовой. Присоединение Сибири к Московскому царству осуществили Максим, Семен и Никита Строгановы.

В апреле 1578 года Строгановы, у которых все мужское боеспособное население их вотчин не превышало четырехсот человек, предложили казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу с отрядом прибыть к ним на службу. В июне Ермак пришел в пермские владения Строгановых.

Братья снабдили Ермака для похода в Сибирь всем необходимым – новыми пищалями, порохом, свинцом, мукой, сухарями, крупами, толокном, маслом, солью. Дружина Ермака из пятисот человек, к которым Строгановы добавили триста добровольцев из своих вотчин 1 сентября 1581 года вышла в Сибирский поход. Затраты Строгановых на экспедицию составили более двадцати тысяч рублей – годовое жалованье пяти тысяч стрельцов.

На деревянных лодках-стругах казаки проплыли по рекам Чусовой и Серебрянке и зазимовали в построенной крепости в верховьях реки Тагил. В начале мая 1582 года казацкие отряды по рекам Тагилу и Туре с боями прошли до городка Чинги-тура, ставшего Тюменью. Взяв городок, казаки спустились вниз по Туре и в месте ее впадения в Тобол встретились с

войском сибирского хана Кучума. Пятнадцать тысяч воинов хана ждали восемьсот казаков атамана Ермака.

21 июня 1582 года Ермак победил Кучума, получил подкрепление из трехсот человек и двинулся на сибирскую столицу Искер. В октябре 1582 года Ермак несколько раз штурмовал столицу Сибири и 26 октября Искер пал.

Вскоре после ухода войска Ермака в поход в сентябре 1581 года пермский воевода Ивана IV имитировал налет на Пермь местных племен вогулов и остяков. Само собой, он тут же украл государственную казну, после чего отправил царю донос на Строгановых – отправив войско в Сибирь, промышленники-де оголили восточные границы царства, а у воеводы людей для защиты не хватило. В ноябре 1582 года Иван IV, естественно, без проверки, отправил в Пермь опальную грамоту на Строгановых. Ужасному даже в конце жизни не надоело казнить и конфисковывать. Слава Богу, Строгановых репрессировать не успели – в декабре 1582 года в Москву пришло посольство Ермака, объявившее о покорении Сибири.

Иван IV воспринял Строгановские победы как простое расширение их вотчин. Казнить и конфисковывать в холодной Сибири было некого и нечего и царю сразу стало неинтересно заниматься новыми землями. Для присмотра за Строгановыми и Ермаком в Сибирь без припасов был отправлен небольшой отряд в триста стрельцов. Продовольствия на всех не хватило и в Искере начался голод. К весне 1584 года стрельцы полностью вымерли, а у Ермака осталось только сто пятьдесят казаков. По указу Ивана IV Строгановы охраняли восточные границы и больше не могли послать Ермаку ни одного человека. Несмотря на то, что в 1583 году царствование Ивана IV наконец кончилось, его эхо еще десятилетия катилось по России. В августе 1585 года на острове реки Иртыш у урочища Атбали Ермак и остатки его дружины погибли в яростном ночном бою. В Сибирь надо было посылать новые экспедиции, строить и укреплять Тюмень, Тобольск, Томск, Туринск.

Династия Рюриковичей прервалась. Новый царь из бояр Борис Годунов в 1597 году окончательно ввел в Московском царстве крепостное право.

Слово «крестьянин» – «христианин», появилось в конце XIV века. В Московском княжестве этот термин имел религиозно-национальный смысл и обозначал весь русский народ. Крестьяне были прикреплены к земле и подчинялись административной и судебной власти землевладельцев-помещиков и вельмож. До отмены Борисом Годуновым Юрьева дня крестьяне имели право перехода от одного помещика к другому. Указ 1597 года закрыл последнюю отдушину для людей, державших на своих плечах российскую государственность. Отдельную группу составляли государственные крестьяне, жившие на великокняжеской и царской земле, но их было меньшинство.

Самодуров-помещиков на Руси всегда было очень много и в конце XVI века в Московском царстве появилось много беглых. Срок сыска беглых крестьян составлял пятнадцать лет. Помещикам не возвращались только крестьяне, ставшие казаками. В начале каждого нового царствования при принесении присяги служилыми людьми крестьяне не присутствовали и сами царю не присягали.

В начале XVII века в России после трехлетнего неурожая начался голод. Перекупщики подняли цену за меру хлеба с пятнадцати копеек до трех рублей. Никакие бесплатные раздачи хлеба из казны не помогали. Приближенные и воеводы придерживали хлеб и перепродавали его по сумасшедшим ценам. При проверках находили большое количество сгнившего хлеба, так и не розданного народу. Люди убивали друг друга, были зафиксированы случаи людоедства. В стране начался мор, уносивший жизни десятков тысяч подданных. Борис Годунов, отдавший весь хлеб из казны, начал тайные казни бояр-перекупщиков. Появившиеся слухи приписывали народные бедствия царю. Все ждали перемен, и появился

самозванец Лжедмитрий, поддельный сын Ивана Грозного. Бывший боярский слуга – расстрига Гришка Отрепьев с помощью панов набрал в Польше войско и двинулся завоевывать Москву. Польская элита высказалась против войны с Москвой и армия Речи Посполитой в первоначальной русской смуте не участвовала.

Отрепьев собрал всего около двух тысяч добровольцев, авантюристов и мародеров, шедших за добычей. С таким войском он смог войти только в пограничные районы Московского царства, но воеводы царя почти бездействовали, Борис Годунов ругал их в письмах, но не наказывал.

Отрепьев осмелел и пошел вперед. Его поддержали донские казаки, к нему присоединялись беглые крестьяне, посадские люди сдавали самозванцу города. Уставшие терпеть люди хотели перемен. Отрепьев, конечно, всем обещал волю. В Москве неожиданно и странно умер Борис Годунов – у него из носа и ушей хлынула кровь, он мгновенно поседел и скончался. Были убиты его жена и сын, низвержен патриарх Иов. В июне 1605 года Лжедмитрий в Москве был объявлен царем и в стране началась грандиозная гражданская война. Через год Лжедмитрия убили и на Московское царство венчался боярин Василий Шуйский. В государстве начались анархия и хаос. В Польше быстро нашелся новый самозванец Лжедмитрий II. В царстве, охваченном Смутой, началась крестьянская война. Во главе нового войска нового самозванца встал беглый холоп Иван Болотников. Заигравшиеся во власть бояре столкнулись, наконец, с восставшим народом.

Армия Болотникова с дворянским ополчением Ляпуновых осадила Москву. Болотников рассылал по всей стране письма, в которых поднимал крестьян против бояр и помещиков, требовал забирать у них деньги и имущество. Дворянское ополчение ушло к Шуйскому и отряды Болотникова отбросили от Москвы. Его войско окружили в Туле, которую пришлось осаждать более полугода. В сентябре 1607 года в Тулу направили воду из реки Упы и через месяц город был, наконец, взят. Иван Болотников при захвате кричал: «Придет мое время, я вас закую в железо, зашью в медвежьи шкуры и отдам псам». Дворяне в железо и шкуры не хотели. Болотникова отвезли в северный Каргополь, ослепили и утопили, соратников убили еще в Туле. Войско Лжедмитрия стояло в подмосковном Тушине, Шуйский заперся в Москве. Многие бояре, дворяне, купцы предлагали свои услуги и тому и другому, прося за это деньги, чины, звания, титулы и должности. В народе их стали называть «перелетами». По всей России разбежались разбойники и грабители, осаждавшие даже города. К Лжедмитрию II стекались авантюристы и мародеры со всей Европы. В сентябре 1608 года в русские земли, охваченные смутой, вошла тридцатитысячная польская армия. Государство спасало Троице-Сергиева Лавра – древний укрепленный монастырь, закрывавший дорогу в богатые северные города. Двухлетняя польская осада монастыря не закончилась его взятием. Собранные М.Скопиным-Шуйским на русском севере войска разгромили отряды Лжедмитрия II, который был зарезан в декабре 1610 года, и сняли осаду с Троицы. За спасение государства М.Скопина-Шуйского на царском пиру отравили, а царь за шеститысячное шведское войско отдал Швеции Балтийское побережье. Несмотря на шведских наемников польская армия короля Сигизмунда вырубила под Смоленском войска Василия Шуйского и пошла на Москву. В июне 1610 года дворянское ополчение Захара Ляпунова свергло Шуйского с престола. Управлявшая царством особая комиссия Семибоярщина в сентябре 1610 года открыла ворота польской армии. Москва присягнула королевичу Владиславу. Он в Москву из Варшавы не поехал, поляки и шайки грабителей разоряли страну. Шведы взяли Новгород и положение России стало безвыходным.

Король Сигизмунд из-под взятого им Смоленска как государь распоряжался в Московском царстве. В январе 1611 года на польскую Москву двинулось ополчение во главе с

Прокофием Ляпуновым. Патриарх Гермоген, закрытый в московском Кремле, рассылал грамоты по русским городам, призывая не признавать Владислава царем, и освободил народ от присяги королевичу. Патриарха уморили в подземной тюрьме, но было уже поздно. Под Москвой собрались ополчение дворянина Ляпунова, полки князя Трубецкого и казаки атамана Заруцкого. Весной 1611 года, на Вербное воскресение, в Москве начались уличные бои. Восставших москвичей, погибавших сотнями, поддержали отряды земского ополчения князя Дмитрия Пожарского. Поляки отступили в Кремль, где смогли устоять с помощью поддержавших их бояр. Они зажгли и полностью разграбили сгоревшую Москву. Польские солдаты с кремлевских стен стреляли в русских не пулями, а жемчужинами. Трехтысячный польский гарнизон полковника С. Гонсевского в Кремле окружило стотысячное ополчение П.Ляпунова, поддержанного отрядами Д.Трубецкого и И.Заруцкого. Народным приговором 30 июня 1611 года был создан выборный «Совет всей земли», возложивший всю полноту власти на триумвират. Кремль почему-то не штурмовали. Власти занялись созданием приказов и восстановлением управления страной. Казакам запретили грабежи и направили к ним для наблюдения комиссаров. В казаки запретили принимать беглых холопов. Посколько Трубецкого и Заруцкого интересовали только власть и грабеж, в триумвирате начались трения. О них тут же донесли С. Гонсевскому и польский полковник подбросил казакам поддельную грамоту с фальшивым приказом П.Ляпунова земским людям: «убивать казаков как собак». Трубецкой и Заруцкий пригласили для объяснений Ляпунова. В казацком кругу, не дав ему сказать ни одного слова, земского вождя быстро зарубили.

Дворянское ополчение отказалось от союза с казаками и разошлось по домам. С кремлевских стен на происходившее с удовольствием смотрел С.Гонсевский.

Польские воеводы отправились в Варшаву праздновать победу над Московским царством. Гулять начали уже на выезде из Москвы. После кутежа под Можайском пьяные паны на переправе через речку утопили шапку Мономаха, скипетр, державу и другие знаменитые царские регалии. Для коронации первого Романова все государственные символы были скопированы со старых рисунков и образцов.

Пока поляки гуляли, в Нижнем Новгороде был созван Земский собор из представителей всех сословий Московского царства. Большое ополчение всей земли во главе с Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским 18 августа 1612 года подошло к Москве. С другой стороны к Кремлю шло большое польское войско гетмана Я.Ходкевича. У поляков был почти год, но им не хватило одного дня. Пожарский не пустил Ходкевича в Кремль. Так и стоявшие под Москвой Трубецкой и Заруцкий пригласили на переговоры Пожарского, который порекомендовал им вспомнить Ляпунова. Дело осложнялось наличием большого польского войска на фланге ополчения. В яростных атаках Ходкевич рвался к Кремлю. Он потерял много своих знаменитых крылатых гусар и прорваться к Гонсевскому не смог. Остатки его отряда ушли из Москвы. В октябре 1612 года польскому гарнизону в Кремле пообещали жизнь и 28 октября 1612 года они ушли из Москвы, отпустив боярских заложников, среди которых был пятнадцатилетний Михаил Романов с матерью. Смута на Руси закончилась, хотя небольшие польские, казацкие и разбойничные шайки бродили по Руси до 1618 года. Поляки забрали Смоленск и Чернигов, шведы – устье Невы и все побережье Финского залива.

21 февраля 1613 года победившее в Смуте дворянско-казацкое ополчение сыграло решающую роль в избрании династии Романовых на московский трон. Дворянам выдали новые грамоты на их землю, многих наградили. Иная ситуация была с казачеством. Многие крестьяне и посадские, ставшие казаками в Смутное время, не хотели возвращаться в крепостные и холопы. Они стали казаками «по праву сабли» и не собирались отдавать это право. Только к 1619 году власти смогли укротить новое и старое казачество, уговорами и неисполненными обещаниями. Власти никогда не стеснялись обмануть недовольных подданных.

Многие казаки ушли на Дон и Запорожскую Сечь, многие пошли на государеву службу, многих перевешали. Многих беглых вернули в холопы и крепостные. Западные послы докладывали начальству о положении народа в Московском царстве: «Нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина или бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ. Крестьянин владеет своей собственностью только по названию и нисколько не огражден от хищничества и грабежа как высших людей, так и даже простых дворян, чиновников и солдат. Из-за притеснений крестьянам нет смысла заниматься промыслами, так как все равно у них можно все отнять. Отсюда праздность русского крестьянина, его лень и пьянство, и всеобщая уравнительная бедность».

К 1620 году последствия Смуты в Московском царстве были ликвидированы. Через пять лет в титуле царя Михаила Федоровича появилось слово «самодержец». Над головами орлов в российском гербе появились короны. Ближнее окружение первого Романова составляли его родственники и родственники его родственников. Они занимали руководящие посты в стране и часто путали свой карман с государственным. В Москве появилось новое понятие – «сильные люди», бояре и князья, имевшие высокие чины при дворе и в думе, очень богатые и имевшие родственные связи с царем или с родственниками царя. Они не являлись специалистами ни в каком государственном деле, но всегда руководили множеством приказов. Спорить с «сильными людьми» и доказывать им что-то было бесполезно, жаловаться некому. Начиная с первого Романова родственное окружение царя постоянно создавало проблемы государю и государству, которые никогда не решались. Порочный круг удалось разорвать только Петру Великому, но с конца XVIII века все вернулось на круги своя. Династию ждали взрывы народовольцев и страшный 1917 год во многом и из-за назначения на ключевые посты в империи недалеких родственников-самодуров императора. За царской семьей, не желавшей работать на кормившую их страну, бурно устремилась чиновно-бюрократическая элита. Трехсотлетнее правление династии Романовых кончилось гибелью Российской империи и резней гражданской войны, уничтожившей большинство династии и элиты.

С 1630-х годов для защиты новой династии было введено знаменитое «слово и дело», обозначавшее политическое преступление. Им считалось покушение на жизнь и здоровье государя, государственная измена, покушение на власть. Каждое политическое дело начиналось обычно с анонимного доноса от какого-то человека о знании им «слова и дела государства». Человек вслух объявлял эти слова и тогда воеводы должны были его допросить, найти свидетелей, взять у них письменные показания, провести очные ставки, если нужно посадить подозреваемого в тюрьму и передать следственное дело в один из московских приказов. Иногда с делом в Москву отправляли обвиняемых. Там производили окончательный розыск, объявляли и приводили в исполнение приговор.

Основную массу политических преступлений составляли «непристойные слова», содержавшие угрозу здоровью и жизни царя или оскорблявшие его честь. «Непристойными словами» считались различные оговорки, случайные словосочетания. Постоянно возникали дела по доносам в «непитии здоровья» их царских величеств. Серьезных политических преступлений в правлении первого Романова не было.

В 1645 году на московский престол вступил шестнадцатилетний Алексей Михайлович. Боярская борьба за влияние на царя успешно приближала народный бунт Степана Разина. Разинщине предшествовали городские восстания 1648, 1659 и 1662 годов. Первое городское восстание было вызвано корыстолюбием и мздоимством царских любимцев Б.Морозова и И.Милославского. Двадцатилетнему царю пришлось самому успокаивать народ. Бывший воспитатель царя и правитель государства Морозов был сослан в Кирилло-Белозерский

монастырь, а главные лиходеи, судья Земского и начальник Пушкарского приказа, казнены. Настоящий бунт произошел в 1662 году.

Пятнадцатилетняя русско-польская война за Украину истощила государственную казну. Друг царя окольничий Ф.Ртищев предложил поднять ценность ходивших в стране монет. Он предложил чеканить медные деньги одинаковой формы и величины с серебряными и вводить их в оборот по одной цене с ними. Поначалу это принесло значительную выгоду казне, но все закончилось Медным бунтом 1662 года. В восстании как в капле воды отразилось основное противоречие московской политической жизни – правильная идея, которая несла благополучие и процветание государству и народу, с помощью ближнего окружения правителя и бюрократии быстро превращалась в свой антипод.

Власти выпустили большое количество медных монет. Их вполне хватало, но отвечавший за реформу боярин и тесть царя И.Милославский не смог не украсть. Он из своей и украденной меди еще начеканил монет и началось их обесценивание. За взятки он позволял чеканить монеты и другим видным желающим. Медными монетами завалили страну и они не стали стоит ничего. Ни о каком равноценном их обмене на серебро не могло быть и речи. В царстве начался финансовый хаос и быстрая инфляция. Толпы москвичей в июле 1662 года пошли в царскую резиденцию Коломенское с требованием унять бояр. Милославского – тестя царь, конечно, не тронул, но медные деньги пришлось отменить. Генеральная репетиция бунта Степана Разина была проведена.

Иностранные послы и разведчики писали руководству, что «у государя нет умных и понимающих что-либо советников». В народе распространялись справедливые послания, что «всему великому мздоимству в стране Москва корень». Алексей Михайлович стал так властен, что «любое неповиновение раздражало его так, что не оставалось места никакому терпению». На любые осторожные попытки сказать царю о реальном положении дел в стране он отвечал: «сегодня жив – а завтра жил». Его властность и раздражительность была значительно усилена конфликтом с патриархом Никоном, посмевшим сравниться с царем. С голодом, с батогами, с самоуправством воевод, лизоблюдством приказных людей Московское государство влетело в 1670 год.

На Половецком языке слово «казак» означало «страж передовой, ночной, дневной». С XIV века по окраинам русских земель стали селиться смелые, свободолюбивые люди для несения сторожевой – «станичной» и пограничной – «полевой» службы. Их стали называть казаками, первое упоминание о которых в русских летописях относится к 1444 году. За линией сторожевых укреплений на южной и юго-восточной границе Московского государства селились беглые крестьяне и посадские люди, которых также называли казаками. Непрерывные боевые действия и столкновения на границах способствовали объединению этих великолепных степных воинов в товарищества, братства донских казаков. Часто донские казаки совершали совместные походы с блестящим запорожским рыцарством, перенимая друг от друга передовой военный опыт. Наблюдательные посты и казачьи разъезды постоянно находились в бассейнах рек Дон, Хапер, Сосна. Донское казачье войско делилось на станицы, состоявшие из нескольких казачьих поселений, называемых хуторами и поселками. Земли владений каждой станицы назывались станичным гуртом. Донское, как и Уральское-Яикское казачье войско, имело земли, завоеванные или занятые им самим. Главным донским казачьим городом был Черкасск. Земли распахивать казаки не торопились, так как на обработанные пашни как воронье слетались неизвестно откуда взявшиеся помещики, предъявлявшие поддельные права на обладание ими, подкрепленные военной силой. Цену московским боярам и воеводам казаки знали хорошо и эти спесивые люди старались не соваться на вольный Дон, не имея никакого желания слушать посвященные им песни:

«Эй, казак, гуляй, гуляй,
Воевод лихих не знай!
До полуночной поры,
Гей, точите топоры!
Воеводу примем в гости,
Воронью оставим кости».

Со времен Ивана Ужасного воеводы возглавляли военное и гражданское управление городов с округами-уездами как царские представители. Воеводы назначались по воле и усмотрению царя Разрядным приказом и утверждались Боярской Думой. Они подчинялись ведавшему городом территориальному приказу. Воеводами назначались в основном дворяне из «московского царского списка». В крупных городах воеводствовали бояре. Официальная воеводская служба продолжалась три года, в Сибири дольше. Воеводы ведали обороной и хозяйством городов и уездов, учетом и распределением земель, полицейским надзором. В руках воевод постепенно сосредоточилась вся административная, полицейская и судебная власть. Формально воеводское жалованье выдавалось в Москве, но отношения с московскими приказами были сознательно запутаны. Эта сделанная неопределенность сильно увеличивала права воевод и вела к их злоупотреблениям, которые были неслыханными. Горожане пытались жаловаться царю, до которого доходила одна жалоба из десяти. Воевод-воров и бандитов никогда не наказывали, а только переводили в другой город. В остальных девяти случаях на горожан-жалобщиков накладывали денежные штрафы.

Большинство старейших боярских родов Москвы вели свое происхождение с XII века. Бояре достойно столетиями занимали высшие военные и административные должности, служили наместниками и вели посольские дела. Во время походов великий князь оставлял Москву на бояр. Они сопровождали государя в поездках, участвовали во всех церемониях Государева двора, назначались воспитателями великокняжеских наследников. Управлять великим княжеством государю с древнейших времен помогал боярский совет, обладавший большой политической силой. Только совместно с боярами решались проблемы законодательства, внешней политики, внутренней жизни, религии. С конца XV века, при Иване III Грозном, совет при великом князе стал называться Боярской думой.

Всё изменилось при Иване IV Ужасном, уничтожившем большинство представителей титулованной знати, обладавших знаниями, опытом, мастерством. Боярская Дума бояр, ставших царскими холопами, действовала по воле государя, не имея самостоятельной компетенции. Чиновная иерархия стала основываться на том, что соотношение боярских родов должно было всегда оставаться в равновесии. Системой регулирования служебных отношений стало местничество – обычай считаться местами на службе и даже за столом. Место зависело от родословной и служебной карьеры служилого боярина и его предков. Местнические споры разбирали великий князь и Боярская Дума.

Первоначальное положение рода в Москве зависело от его положения в момент перехода на службу к великому князю. Первыми стали потомки великих и удельных князей, занявшие места выше нетитулованных княжеских бояр, хотя те и веками служили московским государям. Удельные бояре были еще ниже. Если кому-нибудь из бояр удавалось царской волей подняться выше, то это влекло за собой повышение его потомства и понижение тех, кого «пересели». Бояре, особенно с княжескими титулами, упорно сопротивлялись таким понижениям. Пробиться через этот спесиво-чванливый дворянский частокол «худородному» таланту было почти невозможно. Даже гедиминович и герой Куликовской битвы князь Дмитрий Боброк-Волынский и рюрикович и герой 1612 года князь Дмитрий Пожарский не смогли этого сделать. Местничество нанесло колоссальный ущерб управлению, экономике, культуре и идеологии государства. При Иване III Грозном Боярская Дума состояла

из пятнадцати членов, при Алексее Михайловиче Романове – из ста пятидесяти. Эта боярская толпа спорила, грабила, воровала и набивала бездонные карманы. Эта боярская деятельность всегда сопровождалась небывало хамским и презрительным отношением вышестоящего к чувству собственного достоинства нижестоящего.

Боярские дворы располагались по всей Москве. Обычно это был квадратный участок земли, в котором были построены жилой дом, хозяйственные постройки, избы для слуг, погреба, бани, конюшни, сенники, амбары для хлеба. При боярском доме всегда находился небольшой сад с цветником и фруктовыми деревьями. Дома всегда строились в два этажа с мансардой и обычно копировали царский дворец, вечером и ночью освещаясь восковыми и сальными свечами. Боярин утром вставал, умывался, одевался, молился, отдавал распоряжение по хозяйству, вникая во все мелочи, включая обеденное меню. Потом он отправлялся во дворец, где в передней ожидал царского выхода. После службы в церкви бояре и царь говорили о делах. В полдень боярин возвращался домой и обедал, потом ложился спать. После обеденного сна боярин возвращался во дворец, где часто засиживался до позднего вечера. Он возвращался домой, говорил с домашними, ужинал. После вечерней молитвы боярский дом затихал и погружался в глубокий сон.

В праздники бояре ходили в гости или принимали гостей у себя. Пили за царя, за членов царского дома, бояр, хозяина, гостей. Многих слуги уносили домой почти без сознания. Женщины гуляли отдельно от мужчин, на своей половине. В домах образованного боярства гомерического пьянства не было. Гости беседовали, обменивались впечатлениями от поездок, в том числе за границу.

К середине XVII века состав Боярской Думы кардинально изменился. Многие древние знатные боярские роды пострадали в опричнину, ослабли экономически, вымерли и сошли с исторической сцены. С началом правления Романовых состав Боярской Думы активно пополнялся царскими родственниками, родственниками их родственников, представителями возводимого в боярский чин неродовитого дворянства, родственников цариц. В Думе появились дьяки, представлявшие влиятельную группу приказной бюрократии и чиновничества. Со второй половины XVI века появились боярские списки, содержавшие именные перечни по чинам членов Боярской Думы – бояр, окольничных, думных дворян, думных дьяков, стольников, стряпчих, московских дворян, жильцов, городовых дворян, начальных людей в полках и приказных дьяков. Списки содержали сведения об их служебных назначениях, пожалованиях, местонахождении и пригодности к службе. Списки сводились в боярские книги, содержавшие сведения о поместных и денежных окладах, время производства в чины, отметки о месте и роде службы, данные о поручениях и опалах, здоровье, смертях. Основой процветания явились вотчины, родовые боярские землевладения, и поместья, даваемые служилым людям царем. Жившие на этих землях крестьяне находились в полной крепостной зависимости от землевладельцев и государя. Крепостное право с конца XVI века было полностью оформлено законодательно. Когда-то лично свободные, крестьяне больше таковыми не являлись. Издревле существовавшие на государственных землях территориальные сельские общины «миры» были объединены в союзы деревень и сел, называвшиеся волостями. Выражением воли всего населения формально являлся волостной мирской сход. Он выдвигал посредников между властями и крестьянами – старост, сотских, десятских. Все население волости было связано круговой порукой. Каждый из членов «мира» имел участок земли в пределах его территории. Все государственные и частновладельческие крестьяне платили подати и отбывали повинности. С конца XVI века все переходы крестьян из государственных волостей на частные вотчины и поместья были запрещены, как и переходы от одного вотчинника к помещику. С конца XVI века крестьянам Московского царства стало трудно даже дышать. Царь Борис Годунов на коронации всенародно провозгласил, что в его государстве не будет нищих и убогих, а он сам отдаст свою последнюю рубашку голому.

Он и принял закон, полностью лишавший крестьянина свободы. Рубашки тоже, впрочем, остались при нем.

Вотчины и поместья были организованы как и само государство. Землевладелец для крестьян стал таким же монархом, как царь всея Руси для всего народа, только намного более алчным, чем государство. Землевладелец издавал распоряжения, даже собственные законы, судил, назначал в деревне своих приказчиков. Злоупотребляли властью над людьми не только помещики, но и их холопы – управляющие. По законам землевладелец должен был «крестьян ведать и судить, и расправу меж ними чинить, и от всяких обид оберегать безволокитно, безпосульно, вправду судить». Эти законы не исполнялись. По Соборному уложению 1649 года царя Алексея Михайловича помещики получили над крестьянами еще большую власть. Они могли перевести их из поместья в поместье и крестьяне теряли дом, огород, сад, оставляли могилы предков по прихоти своего хозяина. Крестьян могли сечь и пытать, чем владельцы не пренебрегали. Помещики не считались с возможностями своих крепостных, требовали платежей деньгами, натурой, барщиной. Древесная кора, мох, трава часто присутствовали на крестьянском столе. Своими действиями землевладельцы успешно создавали атмосферу для бегства и бунта, для всех видов протеста. Эгоизм, жадность, презрение к личности зависимого от тебя человека, стремление нажиться за его счет вызывали у народа злобу и ненависть, долго сдерживать которую стало невозможно. Обездоленных в Московском царстве становилось все больше и больше. Власть перестала соответствовать народному идеалу. Злоупотребления царской администрации начали создавать невыносимые условия для народа, активно пробуждая в нем не только недовольство, но и дух протеста – «люди зашатались». Крестьяне и посадские уходили в разбойники, бежали на Дон. Раньше Москву называли матушкой, но с середины XVII столетия стали звать мачехой. Беглецы на окраинах, на Дону, Волге, Яике-Урале таили в душе желание посчитаться с ненавистными боярами и помещиками – «тряхнуть Москву».

Постоянный рост налогов подрывал платежные силы населения. Судебные приставы нещадно выбивали выдуманные недоимки. Злоупотребления, за которые не наказывали, росли как снежный ком. У народа сформировалось враждебное отношение к царским представителям, всей вертикали власти: «Изменники-бояре обманывают царя, а он глядит на все изо рта бояр. Они всем владеют, он все видит и молчит. Чорт у царя ум отнял». Населения стало ненавидеть богатых. По стране прокатились Соляной, Чумной и Медный бунты 1648, 1659, 1562 годов, восстания в Пскове и Новгороде. Москва не извлекла ничего из этих кровавых уроков, ее политика оставалась прежней, вызывая негодование населения. Крестьяне и посадские платили не только в казну, но больше в бездонные карманы приказных исполнителей. Они платили, чтобы их окончательно не разоряли, но чем больше они платили, тем быстрее разорялись. Отработанная московская волокита, вошедшая в народную пословицу, действенно и неостановимо выжимала у народа последние соки. Приказные люди повсеместно процветали, население нищало. Приказные чрезвычайно дорогие каменные дома – большая редкость на Руси XVII века, – вызывали всеобщее удивление и жгучее негодование, переходившее на государство. Эта ненависть распространилась по всей стране, потому что ради наживы царские холопы легко могли свести в могилу всех, до кого дотягивались их загребущие руки. Царь Алексей Михайлович Тишайший в ответ вообще отменил срок давности по сыску беглых. Москва все активнее и активнее раздражала население царства. Московские аппетиты раскатывались во всю свою необъятную ширь, вызывая озлобление и ненависть к ее воеводам и приказным. Крестьяне начали бежать на Дон и Волгу с женами и детьми, мечтая уйти из-под царского ярма навсегда. На чудное Московское царство-государство грозно и неотвратимо накатывалась Разинщина. От Дона до Волги летел немой рык отчаянного атамана: «Говорят, у Москвы когти как у коршуна. Бойтесь меня, бояре, – я иду платить злом за зло!»

Бунт Степана Разина и Петр Великий

На южные окраины Московского царства постоянно совершали набеги крымские татары, ходили в большие походы турки. Первыми их встречали донские казаки, часто затем по Дону и Азовскому морю ходившие в ответные походы. Казаки жили военной добычей, охотой, рыбными промыслами. Землю почти не пахали, опасаясь прихода бояр. Велик Тихий Дон, а от дворянского ополчения отбиться трудно. На необработанные земли, охраняемые военной силой, бояре просто так не полезут, своих пустых земель еще много.

Казаки ходили в походы на низ Дона, в море, гордились и хвастались этим – «мы веслом махнем, красну девицу возьмем, кистенем махнем, караван собьем». Казацкую добычу делили на общем кругу. Победа в казачьем деле была результатом общих усилий, что ввело в вольную казацкую жизнь принцип всеобщего равенства. Каждый тратил добычу по-своему, мог пропить в шинке, мог вложить в хозяйство. На Дону появились домовитые казаки и голытьба, которых всегда было в три раза больше, чем богатых. На Дон всегда бежали из Московского государства крестьяне, посадские, холопы. Казаки принимали всех и никогда никого не выдавали, понимая, что в этом случае потеряют волю. Соотношение домовитых казаков и голытьбы определило образ жизни на Дону. Богатые казаки сначала думали, потом шли в походы, голытьба сначала рубилась, потом гуляла. При этом все казаки превосходно владели холодным и огнестрельным оружием. Голытьба ненавидела наглую и хамскую московскую власть, домовитые с ней договаривались. Постепенно казаки превратились в особое пограничное войско-государство. Поскольку они могли пойти в поход не только на юг, но и на восток, московские бояре посылали им порох, оружие и хлеб, чтобы на восток не ходили.

К 1665 году Дон переполнился множеством беглых с неостывшими обидами на неправую Москву. Пришлые люди мешали налаженной казачьей жизни, ссорили донских с московскими властями. Привозного хлеба не хватало и зимой 1667 года на Дону почти начался голод. Единственным выходом для домовитых стала отправка голытьбы за добычей. Азовское и Черное море было закрыто турецким флотом и крепостями. Много «походов за зипунами» совершались на Волгу. Туда и отправился с Дона весной 1667 года на четырех речных стругах небольшой отряд сорокалетнего атамана Степана Разина, на Дону человека известного, из домовитых.

Казак Разин в любой толпе обращал на себя внимание ростом и физической силой, а затем энергией, несокрушимой и сокрушающей волей, сметливостью. После первых грабежей на Волге ему стали приписывать чудодейственную силу. Он стал почти колдуном, которого не берет ни пуля, ни сабля. Уже современники писали о Разине как о деятельном воине, своенравном, непостоянном, непреклонным в достижении цели, суровом и разгульном до бешенства, любителе кутежей, способном терпеть отчаянные лишения, богомольце и презиравшем церковные таинства, очень хитром человеке. Народу нравилось. Возможно поэтому его бунт, усиленный всеобщей ненавистью к власти Москвы, отличался размахом, массовостью, длительностью и напряженностью. Позднее предание говорило, что Разин родился в станице Зимовейской, в которой через столетие появился на свет и другой народный вождь Емельян Пугачев.

До Персидского похода Разин о войне с боярами не говорил, а возможно и не думал. В 1665 году его главный позднейший враг князь Юрий Долгоруков за обоснованное неповиновение повесил его старшего брата Ивана, и личный повод мстить у донского атамана был. Какие бы мысли и планы не были у Степана Разина, первое, что он начал делать – создавать свое личное войско. Для его создания нужна была добыча, слава и щедрость. В поход на низ Дона атаман не пошел не только из-за турецких крепостей. У донского казацкого круга

с Азовом и турками был мир и Разину невыгодно было ссориться с домовитыми. Атаман с ватагой пошел на верхний Дон, где на острове у Паншина-городка разбил свой лагерь. Степану Разину нужны были люди и нужна была Волга.

Много людей с выжженной каленым железом на лбу буквой «б» – «бунтовщик» было сослано в низовья Волги в царствование Тишайшего. Кроме оскорбленных властью ссыльных, на нижней Волге всегда было много беглого люда со всей страны. Кроме ссыльных, беглых, холопов, крестьян, посадских, в Поволжье жили татары, башкиры, мордва, чуваши. Им жилось плохо – помещики и под Москвой не церемонились с крестьянами, а вдали от центральной власти местным административным и дворянским злоупотреблениям не было конца. В плачевном положении находились и пограничные служилые люди, почти не получавшие разворовываемое жалованье. Поволжские дворяне отправляли в московские приказы челобитные о том, что они «обеднели, обнищали и стали наги и босы, лошадей купить не на что, вконец погибают и помирают голодной смертью». Челобитные никто не читал. Для бояр и приказных холопов не только мужик был не человек, а просто скотина, которая пашет и кормит. Бояре и дьяки, не проносившие казенные деньги мимо собственных всегда бездонных карманов, напрасно надеялись на верность служилых пограничников. XVII век собрал в Поволжье множество враждебных властям людей, которым для бунта был нужен только внешний возбуждающий толчок. Он пришел с Дона. К середине 1660-х годов чуть ли не основной задачей властей по всей России стала борьба с разбойниками. Население уже так ненавидело совершенно зарвавшихся бояр и приказных, что помогало разбойникам, лишь бы они грабили угнетателей. Разбойники стали выглядеть в глазах народа удальцами и мстителями. По всему царству рассказывали, как во время восстания в Пскове каратели не только мучили и убивали бунтовщиков, но и травили их детей собаками. Бояре не ожидали, что в грядущей крестьянской войне уже не будут выдвигаться только экономические требования – Разин впервые открыто и громко выступит против власти.

Собрав у Паншина-городка более тысячи человек казаков и беглых, атаман Разин перешел на Волгу. Он захватил царский и патриарший караван из тридцати стругов, повесив на мачтах или утопив начальных людей и приняв перешедших к нему стрельцов охраны. Он освободил ссыльных, плывших на одном из судов, а их надсмотрщика голым оставил на сундуке с медной казной на одном из волжских островов. Предание доносит до нас эхо его первой речи своему войску из двух тысяч человек: «Вам всем воля! Идите, куда хотите. Не стану принуждать быть у себя. Кто хочет идти со мной – будет вольный казак. Я пришел бить только бояр и богатеев, а с бедными и простыми людьми готов, как брат, всем поделиться». Все его люди поклялись: «Стоять друг за друга душой и телом, чтобы истребить изменников-бояр, сбросить с себя ярмо рабства и стать вольными людьми».

Степан Разин никогда не был ни рабом, ни крепостным, не был и бедным казаком. Неизвестно, сразу же он решил дать народу волю, или после Персидского похода, когда у него было много денег и воинов, но ему приписывают слова: «Не должен один человек по принуждению гнуть спину на другого, быть в кабале, крепостной неволе и нищете».

На Астрахань Разин не пошел. На сорока стругах с двумя тысячами бойцов он по Каспийскому морю проплыл до устья реки Урал-Яик. Неизвестно, возил ли уже тогда он с собой гарем, или набрал его позднее, на Каспии. Выдав свою разведку за астраханских плотников, он попросил яицкого воеводу пропустить их в крепость помолиться в большой церковный праздник Петра и Павла, за ними ворвался в Яик и устроил дикую расправу над гарнизоном. Он казнил почти двести стрельцов, не захотевших переходить к нему в разбойники. Речей о воле атаман в Яике не говорил. Он догнал отпущенных было спьяну к Астрахани стрель-

цов и убил их. Зимовал Разин в Яицком городке, разбив два небольших стрелецких отряда, посланных на него из Астрахани. Москва, уставшая от только что закончившейся пятнадцатилетней русско-польской войны за Украину, отдыхала, или ей было просто не до окраин государства, что, впрочем, не было чем-то необычным.

В марте 1668 года большой разинский отряд на речных судах вышел в Каспийское море и огнем и мечом прошел по беззащитному побережью от Дербента до Баку. Он и его бойцы показали себя полными разбойниками, грабителями и душегубами. Сотни километров западного каспийского побережья были опустошены и разграблены. Шахские войска загнали разинцев в ловушку, атаман пообещал перейти на службу к персам, обманул их, прорвался южнее и зазимовал там, продолжая грабежи. В июле 1669 года в отчаянном морском бою он разбил персидское войско, убил местного хана, пленил его дочь, которую хан почему-то вез с собой в бой, захватил много морских судов и богатую добычу, потеряв в сражении много ушедших с ним с Дона казаков. Персидский шах принялся за атамана всерьез, и атаман на морских судах отплыл к Астрахани. Душегуб и бандит с громадной добычей почему-то превратился в удалого молодца-атамана. Тысячеустная молва по всему Московскому царству разносила рассказы о его походах, почему-то называемых «персидскими подвигами». Сильно поредевшее войско Разина быстро пополнялось голытьбой со всей России. Волновался весь черный поволжский люд. Царь Тишайший послал Разину свою грамоту, в которой «забывал вины удачливого атамана, если он уйдет на Дон». В августе 1669 года атаман отдал в Астрахани морские суда, иранских пленных, тяжелые пушки и ушел на Дон с огромной добычей. На претензии иранского шаха о компенсации убытков от разинского разбойства, Москва поразительно ответила: «Эти казаки холопы великого государя, а не разбойники. Уже они прощены. А что взяли они грабежом пленных и имущество на войне, так это зачтено им в жалованье и до того нет никому дела». Разин понял, что власть его просто боится, перехватив донесение астраханского воеводы царю: «Чтобы атаман вновь шатости к воровству не учинил и не пристали бы к нему иные многие люди и от того меж людьми кровопролития не учинилось». В народе заговорили, что Разин – сила, раз с ним так считается Москва, что было для нее совсем не характерно. Атаман везде показывал, что он и его бойцы – из народа, а в своем войске он только старший по своему влиянию среди равных по положению. Он поражал воображение толпы, начавшей называть его «батюшкой Степаном Тимофеевичем». Перед ним начали опускаться на колени. Разин сорил деньгами и вокруг него стали создаваться вымыслы и легенды. Вождь и атаман вольного войска избавлял население от страха перед властью. Теперь главным в Астрахани был батюшка Степан Тимофеевич. Сам атаман никогда не считал себя помилованным преступником. Он стал думать, что он народный вождь, защитник обиженных и гонимых. У него часто стала кружиться голова не только от хмельных напитков, а и от народного обожанья, полюбившего вечный разинский праздник. Во время очередной речной попойки он утопил пленную княжну в Волге. Народ почему-то не посчитал это позорным преступлением.

На попытку астраханского воеводы его унять Разин отвечал: «Как ты смел обратиться ко мне с такими непочтительными словами, чтобы я выдал своих друзей, которые ко мне пристали ради любви и приятства. Вы еще смеете грозить немилостью? Я не боюсь ни воеводу, ни того, кто повыше его. Воевода дурак и трус. У меня силы и власти больше, чем у него. Я не холоп. Я вольный человек. Я расплачусь с этими негодяями, как следует расплачусь!». Разин ушел с Волги, оставив у населения чувства бунта.

Степан Разин с отрядом вернулся на Дон и в октябре 1669 года на трехкилометровом речном острове у Кагальника построил крепость, ощетинившуюся двадцатью пушками, привезенными из похода. Гарнизон речной крепости составил полторы тысячи человек.

Голытьба называла его отцом. Ему сочувствовал почти весь казацкий круг. К весне у Разина на острове собралось около пяти тысяч человек. Тайные правительственные агенты попытались выяснить планы атамана на лето 1670 года, но неудачно: «а какая у него мысль, про то и его казаки многие ведают, и никакими мерами у них, воровских казаков, про то доведаться нельзя». В апреле 1670 года царь послал в Черкасск с дипломатическим поручением своего дьяка. Разин обвинил его лазутчиком на круге и утопил. Это был очередной вызов Москве. Казаки Дона разделились на два лагеря. Одни занялись ростовщичеством, снаряжая в поход голытьбу за половину будущей добычи. Другие шли к атаману на остров. Третьи боролись против отчаянного Разина – «он, Стенька, с товарищами своими, хотел учинить страх, добрых казаков побивал и в воду метал». В начале мая 1670 года пять тысяч добрых казаков, искателей добычи, авантюристов вышли с Дона. Они шли со своим батюшкой Степаном Тимофеевичем Разиным, решившим восстать против московских властей – «хотели мы Москву взять и всех бояр и дворян и приказных людей перебить на смерть, убить мирских кровопийцев, вывести воевод на Руси и бояр на Москве».

15 мая 1670 года семитысячное разинское войско без боя посадскими было впущено в Царицын. Разин утопил воеводу и начальных людей. Его отряд обманом взял крепость Камышин, расположенную в месте наибольшего сближения Волги и Дона. Разинцы вошли в Камышин под видом стрельцов, якобы пришедших на усиление гарнизона.

В середине июня десять тысяч разинцев берегом и на восьмидесяти стругах пошли на Астрахань. Два стрелецких отряда в тысячу и в пять тысяч человек были легко разбиты. Царские воеводы и стрельцы воевали как бы нехотя, многие переходили на сторону разинцев. Вскоре так же без боя были взяты Саратов и Самара. Начались многочисленные казни воевод, дворян, дьяков, купцов, издевательства над их семьями. Только в Астрахани Разин казнил около пятисот пленных. Многих мучили, калечили, топили. Во всех городах Разин вводил новое выборное самоуправление по принципу казачьего круга. Перед этим торговые дворы и лавки грабились, церковное и другое имущество конфисковывалось. Приказные дела и бумаги уничтожались, как основа московского взяточничества и кабалы. Разин говорил, что также сожжет все дела в Москве у государя.

По всей России Разин рассылал своих агентов и прельстительные письма: «Братья! Мстите вашим мучителям, что хуже турок и татар держали вас в рабстве. Я пришел, чтобы дать вам волю! Я иду истреблять бояр, дворян, приказных людей, всякие чины, установить по всей Руси казацкое житье, сделать всех людей равными». Атаман использовал все доступные ему способы, чтобы поднять народ, добиться широчайшего распространения восстания и победить Москву. Он не трогал царя, во всех народных бедах обвинял бояр и приказных, использовал в своих целях государственный и церковный авторитет: «Вам бы порадеть за дом Пресвятой Богородицы, за великого государя, за батюшку Степана Тимофеевича и за всю православную христианскую веру». Тот, кто не поддерживал восстание – по-разински изменял вере и государю. Он не хотел становиться очередным самозванцем. Люди должны были поверить, что в борьбе с боярами и приказным ворьем его поддерживают царь и патриарх. То, что это был народный обман, для Разина не имело ни малейшего значения. Его обманывают, он обманывает, дело житейское. Лучшие разинские стрелки во всех боестолкновениях всегда выбивали начальных людей.

Восстание, бунт Степана Разина охватило огромную территорию, на которой дрались почти четверть миллиона человек. Поднялись черные люди и инородцы, мордва, чуваши, калмыки, татары, башкиры, черемисы. Через Саратов, Самару, Астрахань, Царицын, Камышин, Арзамас, Пензу, Тамбов восстание катилось к Нижнему Новгороду, к Белгороду, Чугуеву, к Соловкам. Многим людям нравились идеи всеобщего равенства и раздела имуще-

ства богатых между бедными. Все грабили всех, восставали за царя и атамана против бояр. Мужики жгли усадьбы, убивали своих помещиков и объединялись в отряды. К Разину шли добровольцы из Запорожской Сечи и подкрепления с Дона. Запорожцы и донцы составили ядро разинского войска, но их было немного среди пятнадцати тысяч крестьян, вооруженных топорами, вилами, дубинами, кистенями, не обученных военному делу. Всю атаманскую добычу Разин сразу отправлял на Дон, в Кагальник, говоря людям: «Вы мне братья и дети и будете так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры».

На казачьем кругу в Царицыне в июле 1670 года атаман и есаулы решали как идти на Москву. По Дону не захотели, боясь разорить свою реку, дорога через Тамбов была перекрыта правительственными войсками. Оставалась Волга. В августе сотни разинских стругов заполнили Волгу, конница шла берегом. Впереди лежал город Симбирск. 4 сентября к нему подошли разинцы. Двадцать тысяч человек трижды штурмовали город, взяли посад, но воевода Милославский, родственник царя, упорно держался в крепости на холме. Он ждал помощи и она пришла.

В августе царь Алексей Михайлович под Москвой принимал смотр шестидесятитысячного дворянского ополчения, собранного против Разина. В сентябре войска под началом князя Долгорукова были уже в Казани и Арзамасе. К Симбирску подошли полки нового строя князя Ю.Барятинского, обученные по европейскому образцу. В первом бою Разин отбросил Барятинского от Симбирска, но острог взять так и не смог, хотя такая инженерная возможность была.

Все начало октября шли бои Разина с Барятинским и Милославским. 4 октября войско атамана было разбито. В рукопашной Разин получил пулю в ногу и сабельный удар в голову. Атаман с донскими казаками на стругах бежал вниз по Волге. Побитого народного вождя, конечно, не приняли ни Самара, ни Саратов. Под Симбирском брошенных Разиным на произвол судьбы крестьян сотнями казнили несколько дней.

Бегство Разина, которому патриарх в Москве объявил анафему, сломало хребет бунта. Из народного вождя атаман сразу превратился в преступника и беглеца. Паника и страх перед грядущим возмездием быстро стали распространяться среди восставших. Все поняли, что сибирское поражение и бегство Разина означает крах его похода на Москву. Разин через Царицын ушел на Дон, а Долгоруков начал подавление восстания, планомерно уничтожая все его очаги: «Страшно было смотреть на Арзамас. Его предместья казались совершенным адом. Повсюду стояли виселицы и на каждой висело по пятьдесят трупов. Валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью. Торчали колья, на которых мучились преступники, жившие еще по несколько дней, испытывая неописуемые муки. Многих заживо четвертовали, заживо сжигали, кому вырезали из глотки язык, кого заживо зарывали в землю. Так поступали как с виновными, так и с невиновными. Зимой 1671 года казнили около ста тысяч человек. Царь-государь Алексей Тишайший утверждал приговоры: «Отсекши руки и ноги, туловище повесить».

Степан Разин попытался взять власть на Дону, но было уже поздно. Теперь он был не вождем-победителем, а сломленным беглецом, хотя и с крепостью и деньгами. Осенью 1670 года этого уже было мало. Боевые друзья атамана полегли в Каспийском море и на Волге. Осень и зиму 1671 года на Дону шла драка за жизнь атамана. Гибли немногочисленные разинские сторонники. Сам батюшка Степан Тимофеевич в бешенном исступлении живьем сжигал в русских печках своих врагов, говоря, что в холодную зиму надо хорошо протапливать избы. Он мог бы и зимой опять уйти на Волгу, но не сделал этого, бросив взбаламученное им народное море на произвол судьбы. Возможно, он хотел стать во главе Дона и продолжить борьбу, но после его позорного бегства продолжать было не с кем. Держался

только Тамбов, рассылая грамоты по матушке Волге: «А буде не пойдете к нам собраньем на помочь, и вам быть в казни, и женам вашим и детям быть порубленным, и домы ваши будут разорены, и имущество ваше и старики будут взяты». На такой призыв почему-то не отзывались. К лету 1671 года громадный бунт Стеньки Разина был полностью подавлен. Черных людей мучительно пытали, вешали, четвертовали, колесовали. Виселицы с казненными плыли по всему течению Волги. Обильно пролитая кровь участников первой крестьянской войны заливала ее последние вспышки, оставшись в памяти народа, записывавшегося кто в крестьяне, кто в холопы.

«Я, Иван Дмитриев сын, прозвищем Мазай, вольный человек, со своей женой и детьми, подрядился в крестьяне за Ивана Савиновича Неелова в его Вологодское поместье Уголской волости в деревню Покровское в готовый двор Гришки Яковлева. И мне Ивашке за ним государем своим Иваном Савиновичем жить в том его поместье в крестьянах и вновь двор строить и вновь хоромы ставить и государевы подати и оброки во все годы платить и изделия делать и пашню пахать и луга расчищать и изгороди около полей городить и земли на бросать впусте и от Ивана Савиновича не сбежать.

А ссуды я Иван взял у государя своего Ивана Савиновича Неелова лошадь да корову и хлеба ржи и овса и ячменя и всякого дворового инвентаря, всего на двенадцать рублей. А на то свидетели: Иван Калинин, Семен Головков. А ссудную запись писал вологодский площадный подьячий Корнилко Дьяконов».

«Я Афанасий Васильев, бил челом в холопство князю Борису Андреевичу Козловскому, и служилую кабалу на себя даю своей волей. И служить мне Афанасию у государя своего князя Бориса Андреевича во дворе до его смерти. А на то свидетель Иван Пушкарев. А служилую кабалу писал Ивановской площади подьячий Сенька Козмин.

А по осмотру Афонька плосколиц, нос короток, глаза серы, волосом голова светлоруса, ус русый, у правой руки на пальце ноготь попорчен, у левой руки на ладони рубец. Сказался двадцати двух лет.

Пошлины по указу взяты и в казну записаны».

В апреле 1671 года Разин был все-таки захвачен на Дону домовитыми казаками. При захвате, по некоторым данным, погибли его жена и два сына. Под конвоем из двухсот казаков его повезли в Москву. Перед столицей с него содрали богатую одежду и одели в рванье. 4 июня его доставили в Приказ тайных дел.

Этот приказ не только наводнил все царство шпионами и доносчиками. Созданный в 1654 году как личная канцелярия царя Алексея Михайловича, Приказ тайных дел контролировал всю Россию, послов, воевод, вел следствие по важным политическим делам, ведал оружейными и пушечными приказами, поиском золота, серебра и меди. Работало в нем несколько дьяков и около десяти подьячих в Москве. Территориальная сеть Приказа тайных дел была неисчислима. Главной задачей приказа, ликвидированного после смерти Тишайшего в 1676 году, было исполнение царских мыслей и дел по его желанию, чтобы бояре и другие думные люди ничего о том не знали.

5 июня Степана Разина жестоко пытали, а 6 июня 1671 года четвертовали в Москве на специально построенном лобном месте. На Дону все осталось, как было, только добавились поговорки: «Живи, живи, ребята, – пока Москва не узнала», «Руби меня сабля татарская – не бей плеть царская», «На Дону царя нет!», «Слава казачья – жизнь не собачья». В

Москве опять расплодились разбойники и Разбойный приказ принимал, принимал и принимал челобитные.

«Бьет челом Сенька Митрофанов, человек вдовы Марьи Ружевской о насилии, грабеже и убийстве. Седьмого октября в ночь разбили разбойники помещицу мою в Симбирском уезде, в деревне Городищах, а имение ее все забрали, к тому же моя запись. Те же разбойники убили человека ее Федора Ануфриева до смерти, а ее саму разбойники огнем жгли и ныне она лежит при смерти. А крестьян ее Гераську Платонова, Ивашку Савельева, Петрушку Архипова изрубили и изстреляли, и ныне они лежат при смерти.

Пожалуйста, государи мои, челобитье мое записать и рассмотреть».

В 1883 году некто Д.Солодовников написал песню «Из-за острова на стрежень». Песней восхищались, ее повсеместно бесстыдно пели, ею гордились, как проявлением народного духа почти сто лет. В песне рассказывалось, как веселый, хмельной, обвешанный оружием самодур-атаман Стенька Разин долго измывался, а потом ни за что, ни про что убил, утопил, совершенно беззащитную и безоружную девушку. Песня даже стала народной. Ну прямо герой-атаман, ишь как он расходился, лихой молодец-удалец. Понятия добра и зла поменялись в России местами не в 1883 году. Черное стали называть белым и наоборот намного раньше.

Казацкое солнце луна больше не светила донскому атаману. Не захотели мужики ловить с ним журавля в небе, за которого легко было сложить голову. Бояре давали на земле синицу и менять жизнь на возможную смерть было совсем не просто. Через совсем немного лет множество журавлей и навсегда без строгого риска для жизни народу предложил великий царь Петр Первый, но только с полным напряжением своих государевых сил он смог сдвинуть Россию с места. Слава Богу, покатилось.

Через два года после бунта Степана Разина у Тишайшего родился наследник, царевич Петр. Для всей царской семьи уже несколько лет начальник Посольского приказа талантливый боярин А.Ордин-Нащекин привозил европейскую одежду и маленький Петр бегал по царской резиденции Преображенскому в удобном немецком камзоле. Будущему Петру Первому предстояло взорвать все проблемы Московского царства, изменить все его политическое устройство, экономику и культуру. В результате гения Петра Великого взошла звезда Российской империи, блеск которой он почти не увидел.

Единственный талантливый боярин у Тишайшего А.Ордин-Нащекин сразу после бунта Степана Разина был пострижен в монахи и сослан в дальний монастырь. Перед ссылкой он отправил царю письмо: «У нас любят дело или ненавидят, смотря не по делу, а по человеку, который его сделал. Если человека не любят, то и делом его пренебрегают». В царском архиве осталась записка А.Ордина-Нащекина, обосновывавшая крайнюю необходимость европеизации царства с помощью вывода России к Балтийскому морю. Через пятнадцать лет ее прочитал юный Петр.

В 1682 году десятилетний Петр был благословлен патриархом на царство и провозглашен царем. В борьбе за власть мать Петра царицу Наталью Кирилловну легко и раскованно победила его старшая сестра Софья Алексеевна. Захват власти, осуществленный царевной Софьей и ее дядей И.Милославским, в качестве классического примера можно смело вносить в учебники русской истории.

Софья и ее окружение воспользовались частыми протокольными промахами неопытной царицы Натальи Кирилловны. Церемониалу в Московском царстве всегда придавали

чуть ли не главное значение в государственной жизни. Во времена царя Алексея Михайловича Приказ тайных дел кроме организации соколиной и псовой охоты для государя в основном занимался тем, что его многочисленные сыщики шлялись по всем базарам, рынкам и торгам и ловили тех, кто непочтительно говорил о власти. Этого было достаточно, чтобы обобрать говорившего или за мысленный бунт отрезать, например, уши или язык. Со всей огромной страны на битье кнутом волокли и волокли писцов и подьячих, случайно пропустивших в громоздком титуле царя одно слово. Во время выборов короля Речи Посполитой, когда создалась реальная возможность создать федерацию народов России, Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, «Тишайший» устроил грандиозный скандал только из-за того, что в бумагах в его титуле что-то поменяли местами. Его послы на коронационном сейме в Варшаве вовсю хамили уважаемым депутатам. В Европе представили, что этакое чудо-юдо будет ими править, ужаснулись, и царь мгновенно потерял шансы на избрание.

Софья спровоцировала уход царицы и маленького Петра с церковной службы и по Москве пошли организованные толки и пересуды о их скандальном поведении в храме. Очень неблагоприятное впечатление на народ произвели срочные награждения и назначения не в очередь никчемных родственников царицы, само собой тут же принявшихся грабить казну. До этого казну грабили Милославские и конкуренты им не понравились. Наталья Кирилловна вызвала из ссылки в Москву опытнейшего советника «Тишайшего» боярина А.Матвеева, который быстро бы смог укрепить нового царя на троне. У Милославских оставалась всего неделя и они возмутили стрельцов.

В двадцати московских полках служили сорок тысяч стрельцов. Их нечасто использовали в полевых сражениях – стрелецкие пищали били на очень маленькое расстояние, а бердыши не могли противостоять сабле, пике, булаве. Показавшие себя в Смутное время героями стрельцы через семьдесят лет превратились в гарнизонное войско, избалованное царскими подачками и выполнявшее полицейские функции. Во время разинского бунта они массово переходили на сторону мятежного атамана и бить Разина пришлось солдатским полкам нового строя с иностранными офицерами и дворянскому ополчению. Современники называли стрельцов янычарами и они понимали свою видную роль на Москве.

Повод для мятежа боярин И.Милославский нашел быстро и подкрепил его деньгами и обещаниями от царевны Софьи. Деградировали не только рядовые стрельцы, полюбившие сладко спать, вкусно есть и выпить за чужой счет. То, что пятнадцать лет они не воевали, было совсем хорошо. Стрелецкие полковники, головы, вели себя в полках, как в собственных поместьях. Поскольку их никто не контролировал, то они активно разворовывали жалованье рядовых стрельцов, брали взятки за уклонение от службы, заставляли стрельцов постоянно бесплатно работать на своих подворьях и огородах. Сами некогда грозные воины почти не занимались военным делом, а организовывали мелкую торговлю и промыслы. Стрельцы хорошо понимали, что они могут натворить в государстве, если захотят.

Стрелецкий костер мог вспыхнуть от малой искры, а Милославские поднесли горящее полено. Поддержанные Софьей выборные от двадцати стрелецких полков пришли в Кремль с обвинениями против своих командиров. Они требовали выдачи жалованья, смещения и наказания командиров, мешавшим торговать этим полувоинам. В феврале 1917 года запасным полкам Петроградского гарнизона было с кого брать пример.

Шестнадцать полковников из двадцати были сняты, разжалованы и биты батогами. Двадцатитысячное стрелецкое войско поняло, что теперь Москва в их власти, и тут же сменило заносчивого главу Стрелецкого приказа Ю.Долгорукова на болтуна и хвастуна князя И.Хованского, прославившегося лобовыми атаками на вдвое большего противника с потерей половины войска. Боевая задача при этом, естественно не выполнялась. Милославские выпустили джина из бутылки и он легко поменялся с ними местами.

15 мая 1682 года стрельцы по колокольному набату ворвались в Кремль «спасать царевичей Ивана и Петра от Нарышкиных». Им нахамил сын Ю.Долгорукова и перед кремлевским крыльцом стрельцы убили его, Матвеева, двух Нарышкиных, Г.Ромодановского и еще несколько их сторонников. Правительство Нарышкиных было свергнуто. Царями провозгласили Петра и его старшего слабоумного брата Ивана, сына Алексея Михайловича и его первой жены Марии Милославской. Гулявшие в Кремле неделю стрельцы объявили свою волю боярам, чтобы по молодости царей правление государством было поручено царевне Софье, которая тут же от Боярской Думы получила юридическую власть над страной. Новая регентша начала изымать у населения серебро, чтобы расплатиться со стрельцами. Расплатилась и потом еще долго боролась с их своеволием. Через полгода ей удалось казнить И.Хованского, но в течении семи лет своего правления она опиралась только на заигравшихся стрельцов. Это, конечно, не помогло и в сентябре 1689 года Петр сверг свою сестру с трона. Троевластие сменилось самодержавием. Во главе занимавшегося политическим сыском Преображенского приказа встал Ф.Ромодановский, сын убитого в 1682 году боярина Григория. Приказ подчинялся лично царю, имел исключительное право следствия и суда по политически преступлениям и отвечал за порядок в Москве и России.

В 1696–1698 годах Петр I объехал половину Европы. Он, знавший почти двадцать ремесел, выучил несколько иностранных языков, научился кораблестроению и морскому делу. Впечатления, полученные за два года, обогатили и изменили его духовный мир. С разгромом стрелецкого бунта 1698 года, время стрелецкого войска на Руси закончилось. Эта дата стала последней знаменательной датой в истории Московского царства, начавшего поразительно быстро становиться Российской империей.

Петр I начал вводить в России европейские порядки и эти новшества стали носить массовый характер. Царь успел спасти страну, быстро «вздернув ее на дыбы». До правления Петра I вся Европа с ужасом и презрением читала описания жизни в Московском царстве:

«Все московитяне, какого бы они не были звания, без малейшего уважения к их личности, находятся под гнетом жесточайшего рабства. Тяжелыми налогами они доведены до такой бедности, что ничего не имеют, кроме изорванной одежды.

Правление у них чисто тираническое. Все его действия склоняются к выгодам одного царя, причем самым варварским образом.

Хотя брать взятки всем приказным строго запрещается под страхом наказания кнутом, но их тайно берут. За подарки часто можно узнать о самых тайных делах. Корыстолюбие их простирается до такой степени, что если не подарить им что-нибудь, нельзя от них ничего получить, ни совершить с ними никакой сделки.

Вельможи, как и частные люди, не стыдятся нагло требовать, чуть что увидят, перстни или другие вещицы, даже деньги, словом все, что бы то ни было.

По Московскому обычаю между военными начальниками принимается в уважение род, а не опытность. Хотя бы храбрость и благоразумие привели кого-нибудь по всем степеням долговременной военной службы до самой высшей, хотя бы этот воин прославился тысячью побед над врагом, все же он должен уступить какому-нибудь подвернувшемуся лентяю и трусу, которому достались именитые предки.

Большая часть русских, особенно из простонародья, расходует на свою жизнь весьма мало. Как их жилища плохи и бедны, так и запасы и домашняя утварь крайне ничтожны, хотя и достаточны для них. У большей части хозяев найдется три-четыре глиняных горшка и столько же глиняных и деревянных блюд. Места для сиденья у них – лавки, а зимой печи.

Во всей Московии крестьяне утоляют голод ржаным и пшеничным хлебом, бобами с чесноком, а жажду – водой. Повседневная одежда московитян, даже и знатных, не очень рас-

строит состояние. Очень узкое исподнее платье из дешевого сукна, и немного не достающий до икр зипун и надетый сверх его кафтан с длинными рукавами, летом из комплота, а зимой из сукна на меховом подбое. Хотя эти платья изотрутся и запачкаются в носке, московитяне не бросают их. В кабаках пьянствуют до тех пор, пока не вытряхнут мошну до последней копейки. Они пьют спиртное не процеживая сквозь зубы, а глотают всей глоткой, точно быки и лошади, и никогда не перестанут пить, пока будешь им наливать.

То, что московитяне изгоняют все знания, это нужно приписать самим государям, которые это делают из опасения, что их подданные наберутся в них духа свободы и потом восстанут, чтобы сбросить с себя гнетущее их деспотическое иго».

Петр не только изменил порядок летоисчисления, календарь, одежду и внешний вид. 31 декабря 7208 года перешло в 1 января 1700 года. Вместе с Европой Россия вступила в XVIII столетие. Петр I уже вовсю рубился со Швецией за выход к Балтийскому морю. Шведская армия имела европейскую славу и считалась лучшей из лучших. Петра это устраивало. Началась двадцатилетняя Северная война, имевшая грандиозные последствия для России. Петр создал новую, европейскую армию и к 1703 году отбил у шведов все течение Невы. Там, в устье реки он основал Санкт-Петербург, ставший столицей и гордостью России. Генеральное сражение и исход противостояний двух великих армий грозно приближался. В это время в тылу Петра I началось булавинское восстание.

Степан Разин научил народ, как при необходимости можно поступать с властью. Даже стрельцы, увидев, что может значить вооруженное войско, усвоили казацкий обычай для обсуждения общих проблем собираться в круг и решать их. Бояре и помещики издевались над крестьянами, и они уходили в бега, в Сибирь и на Дон, переполнившийся беглыми. За ними в донские городки посылались воинские команды. Разгорелся бунт голытьбы, беднейшего казачества и пришлого крестьянства за право уходить и жить казаками. Атаман Кондрат Булавин разгромил тысячный отряд очередного Долгорукова, попытавшегося зверствовать на Дону, и разослал по России «возмутительные письма», в которых писал о зверствах бояр и их воинских начальников, призывал постоять за казацкие права. Восстание разрасталось и Петру I пришлось весной 1708 года направить на его подавление регулярные войска. Булавинцев разбили, но они вновь объединились и заняли Тамбов. Атаман Булавин занял донскую станицу Черкасск, казнил старшину и избрался войсковым казачьим атаманом. Его отряды осадили Царицын и Саратов. Тридцатитысячный отряд следующего Долгорукова пошел на Черкасск. Разбив пятнадцатитысячное войско, каратели оставили в живых только сто человек. В июле 1708 года домовитые казаки напали на усадьбу Булавина и атаман погиб в бою. Часть казаков во главе с атаманом Некрасовым ушли за границу. Бунт был залит кровью и подавлен только к новому, 1709 году. Летом этого года под древним украинским городом Полтава должно было произойти генеральное сражение между шведской армией Карла XII и русской армией Петра I. 27 июня 1709 года в отчаянной и кровопролитной битве русские полностью разгромили шведов.

Полтавская победа поразила Европу, назвавшую Петра великим полководцем. Министры докладывали королю Франции Людовику XIV: «1709 год принес полную перемену положения на западе. Пала Швеция, в прошлом наводившая ужас на Европу. После ее падения поднялась держава, которая до сих пор не оказывала влияния на другие государства. Это Россия».

Петр еще несколько раз бил шведов на суше и на море, но закрепить победу дипломатическим путем удалось только через десять лет. 30 августа 1721 года был подписан русско-шведский Ништадский мир. Россия отбила Балтийское побережье и получила Лифлян-

дию с Ригой, Эстляндию с Таллином, Ингрию, Карелию и часть Финляндии с Выборгом и Кексгольмом. С 1721 года ни одно крупное европейское событие не проходило без участия России, 20 октября объявленной империей. В Троицком соборе Санкт-Петербурга Петру был присвоен титул императора Всероссийского, Великого и Отца Отечества.

«Окно в Европу» для России Петр Великий решил дополнить «дверями в Азию». Он всегда добивался, чего хотел. К 1723 году Россия укрепилась на западном побережье Каспийского моря. Первый император без перерыва воевал почти тридцать лет.

Деятельность Петра изменила жизнь страны во всех областях – военной, политической, административной, экономической, социальной, культурной, бытовой. Его труды по созданию новой армии и флота, победа в Северной войне и выход к Балтийскому морю, создание Санкт-Петербурга, ставшего гордостью Державы, строительство промышленных предприятий, подъем внешней торговли, европеизация страны и изменения в культуре и образе жизни общества определили путь дальнейшего развития Российского государства.

Петр всегда говорил, что деньги – артерии войны. Для победы над сильнейшей армией Европы нужно было много денег. Треть доходов бюджета давал прямой подворный налог, бравшийся с крестьянских и посадских дворов. За тридцать лет войны он вырос в десять раз. Последняя перепись тягловых дворов-усадеб, жилых, хозяйственных строений и угодий, принадлежавших одной семье, проводилась в 1678 году. Петр провел новую подворную перепись в 1710 году. Вместо увеличения количество дворов в России уменьшилось на треть – с 800000 до 640000. Дворы не только уничтожались в ходе военных действий. Помещики принуждали крестьян утаивать дворы, обносить одним забором даже соседские хозяйства. На пустые дворы сажали беглых людей и прятали их от сборщиков налогов. Петр в очередной раз удивился наглости помещиков и выбил у них налоги по переписи 1678 года. После этого он решил провести податную реформу.

В 1718 году царь приказал в течении года провести поголовную перепись всего тяглого населения страны. В губерниях опять значительно уменьшили реальное количество людей, платящих налоги. Деньги с неучтенных переписью крестьян и работников воеводы брали всегда и конечно присваивали. Петр пришел в ярость и назначил проверку переписи, которую провели войска. Выяснилось, что воеводы скрыли от царя каждого третьего подданного. Петр жестоко наказал виновных и в 1724 году заменил подворное обложение подушной податью на всех мужчин податных сословий, которых оказалось около шести миллионов. Утаенные от переписи более миллиона крестьян Петр отобрал у помещиков и сделал их государственными и лично свободными.

После смерти первого императора сбор подушной подати был поручен воеводам. Деньги тут же, естественно, украли государевы люди. С их активной помощью неуплата налогов приняла колоссальные размеры. Петр успел вывести города из под власти воевод и налоги в них собирали избираемые жителями бурмистры. Несмотря ни на что, подушная подать стала главной в государственном бюджете.

Петр Великий создал стройную систему власти и управления в России: император с его кабинетом-канцелярией – Сенат – коллегии – губернии – провинции – уезды. Эту систему контролировали прокуратура и фискальная служба, поддерживаемые Преображенским приказом, Тайной канцелярией и Высшим судом. Система создавалась почти четверть века, с огромным трудом подбирались руководители. Все части бюрократической машины должны были работать по уставам и инструкциям, написанным лично Петром. Созданная им государственная иерархия сменила средневековую приказную систему, чуть не уничто-

жившую страну. Идеалы царя-преобразователя не осуществились. Необходимо было воспитать нового человека, но Петр, занятый войной, не успел. Потом было уже поздно.

Петр ввел обязательное начальное обучение в созданных им цифирных школах. Многие подданные учиться не захотели и учеба стала рассматриваться как гражданская повинность. Без свидетельства о начальном образовании молодым дворянам запрещалось учиться. Перед Петром всегда стояла проблема нехватки соратников. «Нужных людей мало», – часто горько говорил царь-труженик. Для подготовки закона о чиновничестве, составлявшего к 1717 году пять тысяч человек, Петр собрал подобные документы из Англии, Пруссии, Франции, Швеции, Дании, Венеции, Турции, Польши. Во всех этих документах совмещались принципы знатности и выслуги и в Европе заслуги почти всегда побеждали родовитость. Петр изучил все материалы о старых московских чинах и написал свой, новый российский закон о чиновничестве, самый профессионально составленный. Табель о рангах был подписан 24 января 1722 года.

При назначении и продвижении по службе вводился принцип выслуги и обязательного последовательного прохождения по служебной лестнице. Это обеспечивало замещение всех вакансий и получение профессионализма. Все чиновники, чьи должности входили в Табель о рангах, получали дворянство. Закон Петра открывал путь наверх выходцам из недворянских сословий, создавал стимулы для добросовестной службы. Петр обеспечил постоянный приток и обновление кадров в государстве. Теперь почти у всех многочисленных сословий России были равные условия для карьеры. Повышения давали не только за выслугу, но и за заслуги. Приток в дворянство «худородных людей» оказался очень значительным. При Петре талантливые люди получали зеленую улицу, что очень расстраивало многих неталантливых. При Петре, первом царе-демократе, главными стали профессионализм, знания и мастерство. При нем дворянином мог стать любой его подданный и это усиливало и усиливало молодую Империю. Петр постоянно писал о том, что законы должны быть просты и понятны, должны ограждать подданных от произвола. У него не получилось внедрить их в обществе, сделать обязательными к исполнению. Современники писали, что в последние годы своей жизни Петр Великий подолгу смотрел из окон своего дворца в Петергофе на любимое море и горько молчал.

После смерти первого императора бюрократическая машина продолжала действовать в условиях неограниченной, самодержавной монархии. Достойными Петра Великого были только Елизавета Петровна и Екатерина Великая. Они держали аппарат в узде, но у других государей не получалось. Бюрократическая машина быстро выработала свои собственные законы, в которых государственная польза не учитывалась. Уже после смерти Петра иностранные дипломаты докладывали начальству: «Из собранных налогов поступают в казну тридцать рублей из ста. Остальные деньги чиновники делят между собой. Это хищные птицы, которые думают, что со вступлением в должность им предоставлено право высасывать крестьян до костей и на их разорении устраивать свое счастье. Средства, используемые для извлечения денег, неисчислимы. Их так же трудно исследовать, как и исчерпать море. И хотя высочайшими повелениями многие из них искореняются, чиновники с изумительной быстротой находят новые».

Петр Великий понимал, что развитие страны может быть легко остановлено нежеланием подданных, не понимавших или не хотевших перемен. Он понимал, что преобразования держатся только его волей. Император открывал школы, училища, академии, учил, учил и учил людей. При нем в России дважды в неделю стала выходить первая газета «Ведомости». Царь построил на Красной площади в Москве первый общедоступный театр, где ста-

вили пьесы великого Мольера. В Санкт-Петербурге он открыл Кунсткамеру – первый российский музей. Многие вельможи стали собирать домашние библиотеки.

Заставляя дворянство служить себе, он заставлял его служить России. При нем слова «Отчизна» и «государственные интересы» вошли в повсеместный обиход. Петр издал специальный указ, запрещавший подписываться уменьшительными именами и падать перед царем на колени. Царь первым после Ивана Ужасного уважал человеческое достоинство. После смерти в 1725 году великого государя Россия стала новой, другой страной, в которой появлялось все больше и больше не просто подданных, но и граждан.

Петр часто называл две главные обязанности государя – внутреннее благоустройство страны и внешняя безопасность государства. Петр Великий, совсем не похожий на своих предшественников, был готов умереть за Отечество, не раз доказав это делом. Император хотел, чтобы общее благо стало частным интересом всех подданных-граждан. Он хорошо знал человеческую природу, говорил своему доктору: «Правды в людях мало, а коварства много. Я велел губернаторам собирать монстров-уродов и присылать тебе в кунсткамеру. Если бы я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду тела, а по уродливым нравам, у тебя бы для них места не хватило». Он придавал большое значение развитию в государстве знаний, наук, искусства.

Петр Великий писал, как нужно управлять сложной и противоречивой Россией:

«Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда. Они не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам. Эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству.

Надо знать, как управлять нашим народом. Английская свобода здесь не у места, как к стене горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что-то полезное, может говорить мне об этом прямо без боязни. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем.

Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той поры, как я задумал ввести полезные перемены и исправлять грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я.

Я не усугубляю рабства, обуздывая царство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в новое платье, заводя порядок в армии и в гражданстве и приучая к человечности, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злодеи клевещут – совесть моя чиста.

Бог мне судья! Неправые толки в свете разносит ветер!»

Противодействие Петру в обществе было колоссальным. Сам великий император писал: «Страдаю, а все за отечество. Желаю ему полезное, но враги пакости мне делают демонские». Многие его соратники, узнав о смерти Петра в январе 1725 года «были более суток, как в беспамятстве, говоря, что он научил нас думать, что и мы – люди».

Петр Великий перевернул вверх дном Московское царство и создал Российскую империю, ориентированную на европейские ценности. Он не оставил камня на камне от старых московских порядков, ненавидя их всей душой. Первый император умер, но империя продолжала побеждать царство, сопротивлявшееся открыто и тайно. За пятнадцать лет после Петра сменилось пять государей. В России началась эпоха временщиков и переворотов. К власти стремились личности, ее недостойные. Тайная канцелярия розыскных дел в селе Преображенском расследовала политические преступления – дела о недобропорядочных высказываниях подданных о властях, о недоносительстве, о многочисленных ложных доносах.

Анна Иоанновна не любила заниматься государственными делами, передав их своему фавориту – курляндцу Бирону. Бесконтрольность и безнаказанность не только порождает, но и значительно увеличивает злоупотребления. Бирон положил традицию почти в открытую грабить созданные потом и кровью великого Петра уральские горные заводы. Частные владельцы заводов от него не отставали, а даже опережали. Пораженные иностранцы на русской службе писали: «Бирон черпал, сколько хотел, из государственной казны. Он купил на десять миллионов флоринов поместий, и у него было вдвое против этой суммы бриллиантов. При аресте, говорят, у него нашли на дому двадцать восемь миллионов рублей и на громадную сумму драгоценностей».

В России стали воровать годовыми бюджетами и если это были свои, а почти всегда это были свои, императрица не вмешивалась. Все слои населения получали налоги, насилия, зверства. Крестьян могли забить насмерть за недоимки и делали это. Крестьяне и посадские разбегались в самые глухие и недоступные места, на окраины государства. Землю переставали пахать, страна приходила в запустение. Падали торговля, промыслы, мануфактуры, а расходы императорского двора с недавних времен Петра увеличились в шесть раз. Казна теперь была пуста всегда. Престиж империи, так высоко поднятый Петром в Европе, падал и падал. В народе появились самозванцы, называвшие себя сыновьями Петра Великого. За десять лет правления Анны Иоанновны Тайная канцелярия сослала в Сибирь двадцать тысяч человек, не брезгуя и казнями.

В ночь на 25 ноября 1741 года дочь Петра Елизавета во главе двухсот солдат гвардейского Преображенского полка взяла власть в Российской империи. В отличие от своих предшественников за двадцать лет своего правления Елизавета Петровна не казнила ни одного подданного. В государстве главным стало дворянское сословие, понимавшее свою силу и значение. При Елизавете Петровне только потомственные дворяне могли владеть землей и крепостными людьми. Дворянство стало наследственным, замкнутым и привилегированным миром. При дочери Петра образование получали не только дворяне, но и многочисленные разночинцы – выходцы из купечества, духовенства, мещанства, мелкого чиновничества, однодворцы, незаконнорожденные.

25 декабря 1761 года, в разгар победоносной для России войны с Пруссией, на престол взошел племянник Елизаветы и внук Петра Великого герцог Шлезвиг-Голштинский Карл-Петр-Ульрих. Елизавета, в 1742 году объявившая его своим наследником, вскоре стала считать это решение серьезным несчастьем, но его не отменила: «Племянник мой урод, черт его возьми!». Сына дочери Петра Анны и голштинского герцога Карла Фридриха в России стали называть Петром Федоровичем. Новый император заявил: «Я не рожден для России и русские непригодны мне. Я погибну в России». Петр Федорович с очередного похмелья упразднил Тайную канцелярию и заговор против него готовился чуть ли не в открытую. Тайную канцелярию в обществе боялись и ненавидели, но ее упразднение популярности Петру Федоровичу не принесло. Он оставался чужим среди своих. Нового российского императора отличали гомерическое пьянство с одиннадцатилетнего возраста, скудные познания и ум, прусские симпатии, незнание и презрение к России. О его неадекватности знали только в Петербурге. Крестьянская Россия считала его законным императором и внуком Петра Великого.

Вольно или невольно полугодовое правление Петра Федоровича было направлено на подрыв русской государственности и культуры, к подчинению интересов России прусской политике короля Фридриха II.

18 февраля 1762 года, после очередной пьяной ночи, Петр III, подписал тогда же неряшливо и противоречиво составленный Манифест о вольности дворянства. Российские дворяне освобождались от обязательной двадцатипятилетней военной и гражданской службы. Манифест Петра III разрушил с таким трудом созданную вертикаль власти, сломал сложившуюся систему общественных отношений. Начался отток дворян от службы. Крепостные крестьяне быстро были превращены в полную частную собственность дворян, увеличивших их эксплуатацию. Во многих областях страны крестьяне распространили дворянскую свободу на себя. Начавшиеся крестьянские волнения были подавлены войсками. Сословной организации дворянства не было, и в империи начался хаос. В первое время Петра III благословляли, но вскоре стали проклинать. Манифест возбудил общее неудовольствие. Даже в Европе Петра Федоровича перестали именовать императором, но он не обращал на это никакого внимания – вещь совершенно невозможная в России. К маю 1762 года Петр III вызывал всеобщее негодование в обществе. Иностранные дипломаты в Петербурге докладывали начальству: «Петр Федорович склонен к вину, водится с пустыми людьми, он рискует остаться без короны». Постоянные провалы в идеологии, политике, экономике привели императора к краху.

Екатерина Великая и восстание Емельяна Пугачева

28 июня 1762 года с помощью очередного дворянско-гвардейского заговора Петра III свергла его жена Екатерина, впоследствии по праву получившая титул Великой. Урожденная немецкая принцесса София-Фредерика Ангальт-Цербская была провозглашена самодержавной российской императрицей, говорившей, что нерешительны только сумасшедшие. Екатерина II победила почти без пролития крови. Через неделю после переворота Петр III умер от инсульта или был убит в стычке с охраной. Екатерина II возглавила империю, в которой жили восемьдесят тысяч дворян, пятнадцать миллионов крестьян и четыре миллиона казаков, священнослужителей, солдатских детей, однодворцев, мещан. Императрица писала своему европейскому адресату: «Народ от природы беспокойный, неблагодарный и полон доносчиками и людьми, под предлогом службы заботящимися о своей пользе. Неудивительно, что в России было много государей-тиранов». Екатерина мечтала продолжить дело Петра Великого, сделать Россию европейской страной, не перенося бездумно западный опыт на русскую почву. К концу XVIII столетия в России четко действовал государственный аппарат, впервые законодательно были оформлены права и обязанности всех сословий, совершенствована военная мощь страны, обеспечено широкое культурное развитие государства. Не было только достойного Петра и Екатерины Великих преемника.

Екатерина прекрасно понимала, что «законы пишутся на шкуре подданных». Она всегда знала все, что происходило в России и мире, а противник узнавал о ее ударах тогда, когда они его поражали. Она начала свой поход разума и просвещения против варварства и фанатизма. Императрица основала Воспитательный дом в петербургском Смольном монастыре, открыла Вольное экономическое общество, написала знаменитый «Наказ», созвала Уложенную комиссию, секуляризировала церковные земли, провела генеральное межевание, основала в России оспопрививание, разгромила в двух войнах Турцию, победила чуму, участвовала в разделе Польши, разгромила Пугачевщину, постоянно общалась с великими французскими мыслителями Вольтером и Дидро, опубликовала манифест о свободе предпринимательства, провела в стране губернскую реформу, поддержала Соединенные Штаты Америки Декларацией о вооруженном нейтралитете, провела школьную реформу, присоединила к России Крым, подписала Георгиевский трактат о протекторате России над Грузией, открыла памятник Петру Великому в Петербурге, дала жалованные грамоты дворянству и городам, победила в войне Швецию и совершила еще множество дел на благо Российской империи и ее народа. Через десятилетия ее европейские идеи начали влиять на развитие империи и общества.

Резкие возражения в стране встретили предложения императрицы по отмене крепостного права. Екатерина совершенно не хотела иметь рабов среди своих подданных. Противодействие отмене рабства в империи было такое, что даже отчаянной Екатерине пришлось отступить. С сожалением она сказала, что отмена крепостного права в России может произойти только через сто лет, заявив: «Рабство сделано для скотов скотами». Екатерина хотела проломиться к человеческому сердцу, но потерпела неудачу.

В декабре 1766 года в Москву для составления нового свода законов съехались представители всех российских сословий – дворян, мещан, государственных крестьян, инородцев, казаков, однодворцев. Крепостные крестьяне избирательных прав не получили. Пятьсот семьдесят депутатов, большинство из которых представляли дворянство и мещанство, не поддержали идею императрицы искоренить злоупотребления в рабском обществе отме-

ной самого рабства, несмотря на то, что большая часть из полутора тысяч местных наказов содержала жалобы на совершенно зарвавшиеся местные власти.

Екатерина II мечтала об отмене крепостного права, но не могла пойти против дворянского сословия. Однако людей, думавших как она, становилось все больше и больше. Екатерина ограничивала распространение крепостничества. Когда из сел учреждались сотни городов, Екатерина выкупала местных крепостных крестьян и переводила их в мещанское сословие. Она подготовила проект о том, что все дети крепостных крестьян, рожденные после 1785 года, объявлялись свободными людьми. Ее предупредили, что этот проект может стоить ей короны. По всей стране обсуждали трактаты о крепостном праве. На объявленный учрежденным императрицей Вольным экономическим обществом конкурс со всей России и Европы прислали почти двести сочинений по крестьянской проблеме. Екатерина прорывалась с реформами в традиционное русское общество, но очень часто сила традиции была выше ее личной воли. Екатерина Великая начала готовить «Жалованную грамоту крестьянству».

Массовые злоупотребления помещиков крепостным правом начались при «Тишайшем». Петру Великому пришлось защищать крестьян от помещиков законами: «Об опеке над жестокими помещиками», «О запрете принуждать крестьян к браку против их желания», «О запрете держать крестьян в сыске за господские долги». После Петра эти законы, конечно, отменили. Был отменен закон о праве разбогатевших на оброке крестьян выкупаться в купеческое сословие.

Эффективность крепостного хозяйства в нечерноземных землях была невысока и помещики стали отпускать крестьян на оброк. Крестьяне начали заниматься отхожими промыслами, стали наниматься на мануфактуры и заводы. К середине XVIII века больше половины крестьян Костромской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Олонецкой, Калужской, Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Владимирской, Смоленской, Псковской губернии было на оброке. В черноземной полосе пятидневную барщину отбывали восемь крестьян из десяти, особенно в Рязанской, Курской, Тамбовской губерниях. Помещики постоянно увеличивали сумму оброка и размер барщины. Летом крестьяне работали по шестнадцать, зимой по двенадцать часов в день. На многих фабриках и заводах работали в две смены, днем и ночью. На крестьянском наделе, от двух до трех десятин на человека, крепостные могли работать только после того, как удовлетворяли все возраставшие потребности помещиков. Несмотря на то, что в каждой деревне были выбранные на мирском сходе старосты, которые могли жаловаться помещику на управляющих и приказчиков, их злоупотребления были колоссальные. Помещики властно и жестоко вмешивались во все области крестьянской жизни, контролируя и направляя все по своему хотению. Лишенный гражданских прав крепостной крестьянин был полным рабом своего господина. Борзые щенки продавались по две тысячи рублей, крестьянские девушки по двадцать. Крепостной ребенок стоил меньше рубля. Газеты пестрели объявлениями: «продаются кучер и попугай», «лучшие болонки и хороший сапожник», «скатерти для банкетов и девка ученая». Провинившихся и невиновных крестьян забивали в колодки и кандалы, заставляя в них работать, секли и пороли, резали, жгли, заставляли женщин выкармливать щенков грудью, одевали восьмикилограммовые железные ошейники. Изощренные издевательства многих и многих помещиков над крепостными крестьянами были обычным делом в середине XVIII века. Помещики активно выступали против учебы крестьянских детей, желая что-бы они поменьше знали и думали.

Крестьяне терпели долго, но не бесконечно. Около трехсот тысяч крепостных – пять человек из ста, были в бегах, осваивали Сибирь, искали легендарную страну Беловодье, в которой не было дворян. Законным способом избавиться от помещика было невозможно.

Кроме бегства у крестьян значительно увеличилось число самоубийств. Негодование крестьян росло по мере увеличения помещичьего гнета. Больше всего крепостные крестьяне верили в доброго царя-освободителя. У Екатерины II унять помещиков не получилось: «Если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и на изменение нестерпимого положения крепостных, то они и против нашей воли сами ее возьмут».

Первыми начали волноваться заводские крестьяне на Урале. Они отказывались идти на работу и вооружались, включая всех женщин. На их усмирение посылались воинские команды. Власти понимали, что общая причина волнений заводских крестьян – издевательства приказчиков и владельцев заводов и давали начальникам команд письменные инструкции не допускать разорения и кровопролития при подавлении волнений. Хозяева давали офицерам взятки, чтобы они были жестокими. Многие их не брали и выполняли инструкции, но многие брали и стреляли в крестьян. Крепостные знали об инструкциях и требовали их предъявить. «Вот вам указ!» – орали пьяные офицеры и стреляли. В год начала восстания Пугачева в России было подавлено сорок крестьянских волнений. Власти в Петербурге давали хозяевам заводов деньги на улучшение быта заводских рабочих и владельцы с приказчиками их благополучно присваивали. Рабочие стали говорить о приказчиках; «их надо резать, а то все пропадет». С обеих сторон стали появляться раненые и убитые. В каком-то безумном ослеплении наживой за счет других жизней заводовладельцы сами готовили собственную резню. Экзекуции над заводскими рабочими стали повсеместными. Восставали только помещичьи крестьяне, государственные крестьяне не бунтовали.

Помещики и заводские хозяева «налагали на крестьян работы, превосходящие силы человеческие» и совершенно не думали о последствиях. Екатерина II в сердцах заявила, что «несчастному классу нельзя разбить свои цепи без преступления». Помещики торопили крестьянскую войну и они ее получили. 22 ноября 1772 года в Яицком городке на Урале появился воскресший император Петр III. Его настоящее имя было Емельян Пугачев, донской казак из разинской станицы Зимовейской.

Внешний вид Пугачева был совершенно казацкий. Дослужившийся в войнах до офицерского чина Пугачев совершенно не походил на естественного душегуба. Он много знал, много видел, несколько раз бывал за границей, служил офицером у генералов. На Урале расказачивали бунтовавших пограничников и Пугачев появился в Яицком городке, зондировал почву, знакомился с обстановкой, узнал о слухах о спасении Петра III и нахождении его на Урале. Во второй приезд в Яицкий городок Пугачев уверенно выдал себя за Петра III. Уральские казаки приняли его и год скрывали Пугачева по степным хуторам. На Урале не было крепостных, зато было сильное недовольство местной властью и много беглых людей из центральной России. В 1771 году яицкие казаки убили наглого генерала Траубенберга со свитой и часть своей старшины, пытавшихся урезать казацкие права. Карательный отряд усмирил восставших, а свободы яицкого казацкого войска были ликвидированы. В Яицком городке появился гарнизон с комендантом.

17 сентября 1773 года под Яицким городком на хуторе Пугачев объявился императором Петром III Федоровичем и провел смотр своему войску из восьмидесяти человек. Через несколько дней у него было сто пятьдесят, потом триста казаков. В наступавшей резне погибли не только дворянские алкоголики, садисты, растлители малолетних, сладострастники и развратницы, но все дворяне со своими семьями, оказавшиеся в зоне Пугачевщины. Многие помещики не были извращенцами, а просто сельскими хозяевами, добрыми господами, образованными агрономами, не издевавшимися над крепостными по своей невменяемой прихоти, заботившимися о благосостоянии своих крестьян. Они понимали, что это бла-

госостояние – их богатая жизнь. Они кормили своих крестьян в голодные годы, строили крепостным дома после пожаров, давали им сельскохозяйственный инвентарь. Теперь этим добрым помещикам и их детям предстояло умереть по прихоти императора Емельяна.

По России загремел «Плач холопа»:
«О горе нам, холопам, от господ и бедство!
А когда прогневишь их, так отнимут и наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти,
Что мы сами наживем – в том нет нашей власти.
Ах, когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы себе не взяли б ни земли, ни поля,
Всякую неправду стали б выводить,
Злых господ совсем под корень выводить».

Император Пугачев объявил, что обнаружил на Руси многие неправды и решил «наказывать и предавать смерти судей-хабарщиков, которые судят неправильно дела и разоряют народ». Пугачев начал распространение по России своих манифестов. Они стали для народа давно ожидаемой милостью и радостью. Народу было все равно, прав или неправ император-самозванец. Пугачев стал народным вождем, обещавшим свободу. Манифесты Пугачева объявляли крестьянам волю, призывали громить поместья, ловить помещиков. За убитых дворян выдавалось денежное вознаграждение. Убийство помещиков манифесты донского императора-казака считали законным возмездием за издевательства над крестьянами.

Восстало все Поволжье и Приуралье, весь Казанский край. Восстали обиженные местными властями татары, башкиры, чуваши, калмыки, мордва, марийцы. Русских крестьян разоряли помещики, татар – местные чиновники. Восстало все на громадных пространствах между Волгой и Уралом. Восстали Нижегородская, Самарская, Рязанская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Воронежская, Тамбовская губернии. Восстала половина России.

Пугачев с двумя тысячами казаков подступил под Яицкий городок, понял, что взять его не сможет, и пошел на маленькие крепости, которые ограждали от инородцев их древние, лучшие степные и местные земли. Крепости с инвалидными гарнизонами падали одна за другой, окруженные рвом, валом и простым частоколом. Небольшие регулярные части в семьсот или тысячу солдат Пугачев бил. Оружия и пушек у него хватало – всем необходимым казака-императора обеспечивали восставшие или захваченные уральские заводы. Если бы столько оружия было у Степана Разина, «Тишайший» мог бы не дожить до рождения Петра Великого. Вся Россия стала представлять собой пороховой погреб. Армии Екатерины Великой завязли в затяжной русско-турецкой войне и свободных войск в центральной России не было.

Войско Пугачева росло, в нем воевали русские и нерусские, казаки, беглые, преступники, крестьяне, рабочие, даже офицеры-дворяне. Пугачев обещал татарам и башкирам выселить с их земель всех русских поселенцев и они массами присоединялись к донскому императору. Он присоединял к себе людей силой и охотой. Пугачев объявлял: «Когда бог донесет меня в Петербург, то зашлю Екатерину в монастырь, пускай за свои грехи богу молится. А у бояр села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами. А которые лишили меня престола, тех без всякой пощады перевешаю. Дай бог, чтобы я мог дойти до Петербурга и сына своего Павла увижу». Во всех взятых крепостях Пугачев вешал комендантов и не переходивших к нему офицеров. У него уже было около ста орудий, много оружия, пороха, ядер, патронов, провианта, денег. Жен погибших офицеров Пугачев силой брал в налож-

ницы. В ноябре 1773 года пугачевцы осадили Оренбург, но взять его не смогли. «Императорская» ставка расположилась в семи километрах от Оренбурга в селе Берда. Полгода Берда, в которой Пугачев создал военную коллегию, была столицей крестьянской войны. Император Емельян объявил о истреблении господ: «Если кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованье сто рублей, а кто десять дворянских домов разорит, тому тысяча рублей и генеральский чин». Пугачевцы на лошадях въезжали в церкви, палили в образа, вбивали в иконы гвозди, холстяные образа превращали в лошадиные потники. Со всех окрестностей в гарем Пугачева и его полковников силой свозили местных красавиц. Пугачев пил, гулял, казнил, устраивал смотры, тренировал свое воинство.

Пугачевцы разбили присланный на их подавление большой отряд генерала Кара. В Берде было повешено около сорока попавших в плен офицеров. Войско Пугачева к зиме увеличилось до пятнадцати тысяч человек. Пугачев до весны 1774 года просидел под Оренбургом и потерял время. На него двинулись регулярные войска генерала А.Бибикова. 25 марта его войско было разгромлено под крепостью Татищевой. Несколько тысяч восставших было убито, три тысячи крестьян и триста яицких казаков попали в плен. Пугачев с казаками убежал в Башкирию. В половине России началось подавление восстания. Пугачева вышибли и оттуда, в боях он потерял всех своих ближайших соратников. Император приходил в себя в степных хуторах. Казалось его восстание было подавлено. Пугачев поднял новое восстание на Урале, сделав свою ставку у горы Магнитной, куда к нему массами стекались башкиры, крестьяне, беглые и горнозаводские рабочие. Для устрашения восставших из Екатеринбурга к ним прислали башкира с отрезанными носом, ушами и пальцами. В ставке начался пьяный разгул. Помощник Пугачева вылил вино из бочек, но люди лакали водку из грязных луж и бушевали по улицам. Казак-император укрепился на обоих берегах Камы, набрав семь тысяч войска с двенадцатью пушками.

В занятом Ижевске Пугачев объявил поход на Казань. Он говорил, что «народу у меня как песку и я знаю, что чернь меня с радостью примет».

12 июня 1774 года двадцатитысячное пугачевское войско с четырех сторон атаковало Казань и ворвалось в город в двух местах. Казань запылала в десяти местах, гарнизон с генералом П.Потемкиным защищался в казанском кремле. В городе шла резня, пьянство, грабежи: «Везде слышались вопли, рыдания, стоны, частые крики «коли его». Перед глазами родителей кидали в огонь младенцев, женщин насиловали до смерти, убивали укрывавшихся в церквях. Из трех тысяч домов сгорело более двух тысяч. Резня и пьяный загул длились сутки. Утром двенадцать тысяч пугачевцев атаковали восемьсот отчаянных конников подполковника И.Михельсона. В трехдневном бою Михельсон трижды громил Пугачева, который опять бежал с четырьмя сотнями казаков, остальные восставшие были убиты или разбежались. Пугачев прорвался на правый берег Волги и пошел на Чебоксары. В Поволжье загорелись помещичьи усадьбы и начались сумасшедшие грабежи. 31 июля 1774 года он объявил свой новый манифест:

«Жалуем этим именным указом с нашим монаршим и отеческим милосердием всех, прежде находившихся в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне, и награждаем древним крестом и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными и сенокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброка. Освобождаем всех крестьян и весь народ от податей и тягот, налагаемых злодеями дворянами и градскими мздоимщиками судьями.

Повелеваем этим нашим именным указом: которые прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах, этих противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать. Поступать с ними так, как они, не имея в себе христиан-

ства, поступали с вами, крестьянами. По истреблении злодеев-дворян всякий может почувствовать тишину и спокойную жизнь, которая наступит навсегда».

Пугачев в сотнях копиях своего манифеста заявил, что в новом мужицком царстве вольных рабов всех помещиков нужно истребить! Только после этого может наступить спокойная жизнь. В Поволжье началась дворянская резня. Восставшие говорили: «Настает наше время и боятся нам нечего». Пойманных дворян вешали, потом стреляли в них, потом топили. Семьи, жен, дочерей убивали ударами дубин по голове, сыновей секли саблями, детей до трех лет топили в лужах. Многих везли к Пугачеву, чтобы получить наградные деньги. Крестьяне в ярости кричали казненным дворянам: «прошла уже ваша пора». Количество убитых дворян, их жен, детей, грудных младенцев измерялось тысячами. С Пугачевым в душегубстве соперничали его полковники. Дворянские усадьбы сжигались, имущество растаскивалось. Зажженный Пугачевым пожар горел по России. Чернь в Москве ждала царя-освободителя. Даже в Петербурге императрица Екатерина Великая некоторое время спала не раздеваясь, всегда готовая к бегству. От Пугачева восставшие требовали идти на Москву, но садист и авантюрист сам с начала восстания нисколько не верил в свой успех, понимая, что он жив только до возврата армии с войны. Понемногу регулярная армия начала опять окружать убийцу-императора и Пугачев побежал к югу, везде проводя публичные казни всех тех, кто ему не нравился. Князь П.Голицын докладывал в Петербург: «Подлый народ настолько прикипел к мятежникам и злодействам, что укрощающие его воинские партии не успевают восстановить тишину в одном месте, то тотчас должны стремиться для того же самого в другое, еще лютейшими варварствами дышащее. Так что где сегодня, по-видимому, кажется уже спокойно, там на другой день начинается опять бунт».

Современники писали, что в Поволжье «едва ли не вся чернь устремилась на убийство и разграбление дворян». Пугачев прошел Пензу и двинулся на Саратов. За ним двигался громадный обоз с награбленным добром и принудительным гаремом. Пугачев легко взял деморализованный город и через день, в августе 1774 года, попытался войти в Царицын. В обоих городах он не забыл устроить резню, вешая не только дворян, но даже рабочих, бурлаков, всех, кто противился грабежам. По пятам за ним шел в авангарде правительственных войск отряд И.Михельсона, которого Пугачев боялся и тысячи его конников бежали впереди атамана-царя. В шестидесяти километрах от Царицына отчаянный Михельсон догнал Пугачева. Екатерине пришлось поторопиться с заключением мира с Турцией и послать на «Мужа» во главе десяти полков своих лучших полководцев П.Панина и А.Суворова. 26 августа небольшой авангард И.Михельсона разнес десятитысячное войско Пугачева с двадцатью четырьмя орудиями, пленил шесть тысяч человек и порубив еще две тысячи. Сам царь-атаман, как всегда бросил восставших и с двумя сотнями яицких казаков переправился на левый берег Волги. Через десять дней Пугачева захватили его соратники и выдали властям в Яицкий городок, которого он так и не разорил. Царская карьера тридцатилетнего донского казака продолжалась ровно один год. В оковах и в железной клетке его повезли в Москву, где после долгих допросов казнили 10 января 1775 года. К зиме 1775 года восстание было подавлено. Всех принимавших в колоссальном бунте крестьян перепороли, каждого трехсотого повесили, тела казненных разложили на дорожных перекрестках. Среди крестьянства стало распространяться сектантское учение о самоубийствах. Восстание подавили, но всеобщую ненависть крестьянства к дворянству уничтожить не удалось.

На допросах в Отдельной Секретной комиссии Емельян Пугачев дал подробные показания:

«Дворян и офицеров я убивал, большей частью, по представлению яицких казаков, а сам я столько жесток отнюдь не был. Не жалел тех, которые отягощали своих крестьян, или командиры подчиненных, а так же и тех без разбора казнил, если кто из крестьян доносили.

Дальнего намерения, чтобы завладеть всем Российским царством, не имел, ибо не думали к правлению по неграмотности способен. А шел я на то, если удастся чем поживиться или убитым на войне быть.

За все время злодейства своего рассылал разные указы, но вообще для устроения, или обольщения народа.

Будучи заведен успехами и обстоятельствами, простирал далее свое злодейство. Угрызение сердечное его не покидало, и имел он намерение пасть с чистым расскаиванием перед милосердной Государыней и Самодержицей, звал для этого яицких казаков на Москву и говорил, если в Москве его не примет Государыня, так он сам в руки отдаться пожелает».

Екатерина II писала генералу П.Панину собственноручно:

«Капитан Галахов урода этого в Москву привез. Не могу удержать, чтобы сказать вам, что чувствительность моего сердца заставляет меня сделать, чтобы нигде суровая казнь места не имела, а прочие нигде, кроме крайности, не были употреблены. Это поручаю наипрележнейше недреманному вашему бдению».

Органом политического сыска при Екатерина II была Тайная экспедиция при Сенате, действовавшая с 1762 по 1801 год. Она находилась в Птербурге, в Москве также было ее отделение. Тайной экспедицией руководил генерал-прокурор Сената, его помощником и управляющим экспедицией являлся обер-секретарь. Многолетний руководитель Тайной экспедиции Степан Шешковский оберегал репутацию Екатерины II в общественном мнении. Императрица говорила, что Шешковский имеет особенный дар проводить следствие. Статский советник и обер-секретарь лично допрашивал Пугачева. Императрицу больше всего интересовало, сам ли казак задумал выступить в роли Петра III, или его на это подбили.

«Слово и дело» и пытки в Тайной экспедиции были отменены. Тайная экспедиция искала авторов слухов, карикатур, пасквилей на императрицу, называвшую их «враками». Шешковский, награжденный орденами тайный советник, называл себя верным псом государыни. Он знал все о любых собраниях в Москве и Петербурге, о народной молве, он казался или был вездесущим. Его боялись. Автор лично оскорбившей императрицу книги «Путешествие из Петербурга в Москву» упал в обморок, когда услышал, что его будет допрашивать Шешковский. О его методах расследования остались только легенды – правдивые, преувеличенные, воображаемые, ненавистные. Весь архив управляющего Тайной экспедицией после его смерти исчез.

7 ноября 1797 года императором России стал мечтавший о власти сорокалетний сын Екатерины Великой Павел Петрович, фанатик прусского образа жизни. Он начал отменять все, сделанное его матерью за тридцать четыре года ее правления, не понимая, что это невозможно. Уже в первую ночь своего правления он подписал двести указов о награждении своих придворных чинами, званиями, титулами, орденами, землями с крепостными крестьянами. Павел менял чиновников-профессионалов прежнего царства на своих, ни на что не способных, недалеких и необразованных слуг, много лет живших с ним в Гатчине. Павел искоренял старое и насаждал новое очень бездарно, намного жестче и глупее и уродливее, чем его отец Петр Федорович, хотя это было почти невозможно. Он громко заявлял: «Мне не важно, можно это, или нельзя. Я хочу, чтобы все делали все, что я велю». Он вообще не терпел никаких возражений – качество, недостойное монарха. Павел заявил, что любое возражение он считает бунтом с соответствующим наказанием. Капризный, впечатлительный царь легко терял самообладание из-за пустяков и занимался пустяками вместо управления империей. Павел закрыл немногочисленные частные типографии и установил цензуру в стране. Царь определял подданным – что носить, как ходить, когда есть. Самодур и истерик восстановил для дворян телесные наказания и орал: «Дворянин в России лишь тот, с кем я говорю и пока

я с ним говорю. Мне безразлично, что меня не любят. Лишь бы боялись». Царей-идиотов не боятся. Это стыдно для подданных. Их терпят, пока могут.

Свои припадки царь, которого невозможно назвать императором, переносил в политику, экономику и культуру, что останавливало развитие страны и не давало жить населению. Царя убили бы сразу, через полгода после начала его правления, как и его отца. Павла спасли победы полководца Александра Суворова в Италии и Швейцарии, вызвавшие в России национальный подъем.

Павел управлял Россией с помощью недалеких взглядов и чувств, всегда непостоянных и неопределенных. Царь устранил местное самоуправление государством, сразу настроив против себя всю страну, в которой остановилась жизнь. Хам по натуре, он говорил своим детям: «Разве вы не убедились, что с людьми надо обращаться, как с собаками». Он забыл или не знал, что если собаки не лают, то сразу кусают. Россия глухо молчала, но продолжалось это совсем не долго. Современники писали, что при Павле жили как во время эпидемии холеры – «день прожили – и слава Богу!»

Через полгода после начала правления Павла помещики значительно подняли оброк, поборы и повинности своим крестьянам, считая их неотяготительным. Увеличилась барщина и натуральные платежи баранами, гусями, курами, яйцами, коровами, свиньями, маслом, молоком, коноплей, холстами, грибами и ягодами. Многие помещики заставляли крестьян работать даже в праздничные дни и их собственное хозяйство приходило в запустение. На помещичьих мануфактурах положение крестьянских рабочих также ухудшилось. Современники писали, что для тех помещиков, где не было крестьянской войны, Пугачевщина прошла даром. Крестьян ни за что начали сечь до смерти. Беременные крестьянки после побоев рожали мертвых детей. Многие помещики издевались над крестьянскими крепостными женщинами, девушками, девочками, склоняя их к разврату и растлению, подвергали за отказы пыткам и надругательствам, держали в кандалах, заставляли пить воду до смерти. Молодых крестьянских жен на ночь забирали от мужей «для непотребства и блудодеяния». Мужья защищали жен и их отдавали в солдаты, или просто убивали до потери сознания. Крестьянок в одних рубахах выгоняли на мороз, беременных сажали в холодную воду, мертвых детей отдавали господским собакам. Взбудоражена была вся крестьянская Россия, а царь Павел в истерике носился по Петербургу, проверяя, кто и когда обедает. В декабре 1796 года крестьянские волнения начались в тридцати губерниях, включая и не затронутых ранее Пугачевщиной, – в Орловской, Калужской, Тульской, Московской, Псковской, Новгородской, даже Олонецкой, Ярославской, Нижегородской, Пензенской и Вологодской. Крестьяне писали в жалобах, которые никто не читал: «Мы вышли из своих сил и ваших заданий исполнить не можем. Мы не имеем хлеба для пропитания, одежды и обуви у нас нет, всегда с женами нашими на вашей господской работе день и ночь работаем, от мороза и голода умираем. Пропитание имеем только то, что наши маленькие дети, ходя в мир, выпросят». Крестьянская психология из унылой становилась гневной. У нового царя просили перевести всех крестьян из помещичьих в государственные. Павел посылал войска для подавления волнений. В Орловской губернии десятитысячная крестьянская толпа с дубинами и вилами отбилась от Ахтырского гусарского полка, командира которого огрели дубиной по спине. Гусары вернулись с пушками, убили двадцать и ранили семьдесят крестьян. Павел издал манифест, требовавший от крепостных повиновения помещикам. Крестьяне посчитали его подложным: «Умрем, а не хотим быть за помещиком». Солдаты и офицеры не проявляли большого желания убивать невооруженных крестьян. Павел посылал высочайшие повеления губернаторам усмирять бунтовщиков, собственноручно писал инструкции начальникам воинских команд. Для подавления волнений царь назначил даже главнокомандующего фельдмаршала князя Н.Репнина, писавшего в дневник: «Несмотря на увещевание, инсур-

генты не сдавались и не покорялись. Было начато их покорение силой. 33 пушечных и 600 ружейных выстрелов зажгли село и инсургенты стали просить помилования. Тела извергов, злодеев и преступников, справедливо погибшие, не достойны погребения общего с верноподданными и зарыты в особую яму». В могилу убитых крестьян вогнали кол с надписью: «Здесь лежат преступники против государя и помещика, справедливо наказанные огнем и мечом». Павел награждал бравых офицеров, подавлявших волнения, орденами. Крестьян, их жен и детей «среднего возраста» массово пороли, яростным отрубали уши, брили головы и бороды. Ответы в Петербург на крестьянские жалобы писали те помещики, на которых жаловались. Естественно, вдруг выяснилось, что крестьянские жалобы необоснованны и преувеличены, и должны остаться без всяких последствий.

К лету 1797 года крестьянские волнения были подавлены, но Павел вынужден был издать указ о том, что-бы барщина не превышала трех дней в неделю. В апреле 1797 года он выпустил манифест: «Дабы никто и ни под каким видом не дерзал принуждать крестьян к работам в воскресные дни». Помещики посчитали манифест не приказом, а советом. Его несоблюдение позже вызвало новые крестьянские волнения даже в Петербургской губернии. Крестьянам о манифесте никто не говорил, они узнавали о нем от пьяных курьеров или фельдъегерей, везших его копии губернаторам.

За свое четырехлетнее царствование Павел раздал дворянам шестьсот тысяч государственных крестьян. Крепостное право было для него основой мировоззрения. Для народа все оставалось по-старому.

Смутное время, бунты и Разинщина при царе Алексее Тишайшем, Пугачевщина копили жажду мести мужиков господам. Первоначальные просьбы уменьшить дворянские грабежи сменились требованиями отказа от помещиков и даже их истребления. Царь представлялся крестьянам благожелательным государем, только почему-то постоянно обманываемым то боярами, то приказными, то придворными. Все знали, что Павел разрешил крестьянам подавать жалобы на высочайшее имя, и только немногие слышали о том, что подавших такие жалобы пороли и могли отправить на каторгу. Царь просто ничего не знает о бедствиях народа, ему надо об этом сказать. Немногие понимали, что царь в таком виде очень похож на Иванушку-дурачка из русской сказки, который иногда не велит казнить, велит слово молвить, которое не слушает.

Павел постоянно третировал свою армию. Вместо обучения военному делу переодетые в неудобные и холодные прусские мундиры и напудренные сумасшедшие парики солдаты и офицеры занимались муштрой и подготовкой к нескончаемым плац-парадам. Один из офицеров писал: «Двое гатчинских костюмеров завладели моей головой, чтобы оболванить ее. Мне обстригли спереди волосы и натерли переднюю часть головы мелко истолченным мелом. Меня окутали рогожным кулем и костюмер, набрав в рот кваса, начал меня опрыскивать, а другой костюмер обильно сыпал на мою голову муку. Я сидел неподвижно, пока все не засохло. Сзади в волосы мне привязали пятнадцатисантиметровый железный прут для образования косы. С помощью согнутой дугой проволоки мне приделали огромные войлочные букли. Через четыре часа работа была закончена. Я не мог понять, зачем из человека меня превратили в уродливое чучело».

Павел не считался с воинскими заслугами. Он орал на фельдмаршала Репнина: «Видите этот батальон. Здесь четыреста человек. Одно мое слово, и все они станут фельдмаршалами». Офицеров ни за что ссылали и заключали в Петропавловскую крепость. Отправляясь на бесконечный парад, офицеры брали с собой деньги и прощались с семьями. Однажды Павел прямо с парада отправил в Сибирь Семеновский полк, остановленный только у Ярославля. Павел любил орать и радоваться своему всемогуществу. Все четыре года его ора зависевшая от царских капризов внешняя политика позорила Россию, вызывая

смех в Европе. Сорок миллионов подданных не хотели зависеть от настроения царя-самодура. Современники писали: «Петербург, наша прекрасная столица, не имевшая ни ворот, ни часовых, ни таможен, свободная как воздух, превратилась в огромную тюрьму, куда можно проникнбуть только через калитки. Во дворце поселился страх. Красивые и широкие улицы опустели. Сановники допускаются к службе во дворце, только предъявив в семи разных местах полицейские пропуска. Петропавловская крепость переполнена. За последние полтора месяца более сотни гвардейских офицеров брошены в тюрьму».

Павла стали называть в обществе сумасшедшим извергом, карикатурой на Петра Великого, истериком и душевнобольным, деспотом и тираном. О сановно-дворянско-гвардейском заговоре к весне 1801 года знали почти все.

Служба политического сыска, после закрытия Тайной Экспедиции сосредоточенная в Первом и Пятом департаментах Сената, бездействовала. За Павла не хотел заступаться никто. Павел предполагал о заговоре, но никаких подробностей не знал. В ночь на 12 марта 1801 года Павла избили и задушили в собственной спальне нового Михайловского замка, построенного специально для защиты царя от покушений.

Новым императором стал сын Павла Александр, у которого второй натурой стали двуличие, притворство и лицемерие. Позднее его называли в Европе «Северный Сфинкс», но это был сфинкс, в котором перемешались страх, слабость, неуверенность и несправедливость. Он легко происходил от желания свободы к реакции, от услуг либерального Сперанского к садисту Аракчееву. Создавалось впечатление, что у Александра I вообще не было определенного мировоззрения, а только привычка легко приспосабливаться к людям и обстоятельствам.

Из мечтаний о крестьянской свободе родился только указ 1803 года о вольных хлебопашцах. На основании добровольного соглашения с помещиками крестьяне могли быть с землей освобождены от крепостной зависимости. По указу получили свободу около пятидесяти тысяч мужиков. Постоянно увеличивались оброки и барщина. Закон Павла I о трех днях барщины не исполнялся и не контролировался. За счет крестьянских наделов увеличивалась барская пашня. У крестьянина было все меньше и меньше возможностей заниматься собственным хозяйством. Жестокое обращение помещиков с крестьянами продолжало оставаться обычным явлением. Александр I запретил подачу жалоб на помещиков. Император с закрытыми глазами смотрел на безобразия помещиков, многие из которых становились все наглее и наглее. Крестьяне уходили в бега, отказывались подчиняться, совершали самоубийства, убивали помещиков-садистов. Волнения подавлялись военной силой. Крестьяне просили разрешить им самостоятельно выбирать старост и сотских. Иногда с ними считались, особенно если перед этим какому-нибудь старосте проламывали голову дубиной. Особую ярость крестьян вызывали злоупотребления управляющих и приказчиков. С ними часто разбирались с помощью топоров, кос, цепей, дубин. Разбирательства сопровождались убитыми и раненными. Власти попытались классифицировать причины крестьянского недовольства: мечты о свободе, из-за необразованности, влияния неблагонадежных посторонних людей с последующими заблуждениями, злонамеренное внушение. Признавать справедливыми главные крестьянские требования никто не собирался. Губернаторы вообще старались не докладывать в Петербург о крестьянских волнениях. К царю постоянно посылались крестьянские ходоки, чтобы сообщить батюшке всю крестьянскую правду. Крестьян легко могли перевести из деревни и села на завод или фабрику за сотни километров. Мужики объединялись и сопротивлялись: «В его владения идти не согласны, если только их всех изрубят и отдадут ему одни трупы». На заводах не платили платы, не давали одежды, обуви, плохо кормили, жестоко и безвинно наказывали. Крестьянских рабочих пороли плетьми и кнутом, ссылали на поселения в Сибирь, на шахты и рудники.

С начала XIX века в России были учреждены министерства. Самым крупным и многофункциональным стало министерство внутренних дел, из которого в 1818 году выделилось министерство полиции. МВД стало ведомством народного хозяйства, полицейско-хозяйственным органом с многообразными функциями, ведавшим сословными делами, землеустройством, общим управлением крестьян, сельским хозяйством, городским строительством, связью, медициной, цензурой, полицией, статистикой, делами вероисповеданий. Каждый документ в министерстве подвергался тридцати четырем делопроизводственным операциям.

Во время Отечественной войны 1812 года среди крестьян распространялись слухи об отмене крепостного права, встревоженные крестьяне не повиновались администрации, назначаемой французскими войсками. Были случаи убийств помещиков, поджогов усадеб, грабежей. В конце 1812 года были волнения в Пензенской губернии. Крепостных крестьян-ополченцев, так и не дождавшихся воли, расстреляли, выпороли, сослали на поселение и отправили на каторгу. После окончания русско-французской войны многие крестьяне-ратники не хотели возвращаться к помещикам, рассказывали народу, как живут земледельцы в Европе, чем «сильно воспламеняли ненависть к помещикам и управляющим».

После Отечественной войны император Александр I вызывал недовольство многих увидевших Европу подданных. Ему не верили. Недовольство царем быстро переросло в недовольство самодержавием, неспособным преобразовать Россию. Александр I стал опираться на своего фаворита А.Аракчеева, вызывавшего всеобщую ненависть и получившего в обществе прозвища «изверг, проклятый змей, вреднейший человек в России». Аракчеев подписал у царя указ об особой организации российских войск – военных поселениях, в которых военная служба совмещалась с занятиями сельским хозяйством. Быт большого количества людей был изуродован, а начавшиеся в поселениях восстания жестоко подавлялись. В России началось создание тайных дворянских обществ, целью которых стало установление справедливого политического строя с помощью ограниченной монархии или республики. Будущие декабристы знали, что в Отечественной войне Россия победила не благодаря, а вопреки Александру I. Они хорошо помнили день 2 декабря 1805 года, когда в Аустерлицком сражении из-за пренебрежения российского императора человеческой жизнью погибли их товарищи.

В кровавой пене арьергардных боев сорокатысячная русская армия откатывалась под ударами ста тысяч воинов Наполеона. Французские офицеры с восхищением говорили, что сражаются с яростными призраками. Совершив удивительный четырехсотметровый марш, Кутузов привел поредевшую армию в австрийский Ольмюц, где находились австрийский император Франц и российский царь Александр I. Из России подошли подкрепления во главе с гвардией и количество русских войск почти удвоилось. Вместе с австрийцами у двух императоров войск было немного больше, чем у Наполеона, и два военных дилетанта с отрицательным профессионализмом решили дать сражение французам. Молодой генерал-адъютант царя князь Долгоруков был послан к Наполеону и, очевидно, не проспавшись после вчерашней попойки, нагло заявил, что Франция должна отдать все свои десятилетние завоевания и вернуться к ее старым границам. Наполеон сдержался и вежливо ответил дураку в золотом мундире, что не согласен на эти условия. Долгоруков доложил Францу и Александру, что Наполеон боится сражения. Наполеон был в восторге и сказал своим маршалам: «Этот вертопрах разговаривал со мной как с русским боярином, ссылаемым в Сибирь».

Кутузов понимал, что с таким руководством русскую армию ждет полный разгром. Его не слушали – окружение Александра назвало его отсталым и старомодным. Сам царь заявил,

что теперь не выпустит Наполеона из рук. Генерал-квартирмейстер австрийской армии Вейротер, почему-то считавшийся военным теоретиком, написал диспозицию генерального сражения. Предполагалось, что французы будут стоять на месте и ждать, пока их будут убивать.

Утром 2 декабря к западу от деревни Аустерлиц император Франции начал битву трех государей. Правым флангом командовал Даву, центром – Сульт, левым флангом – Ланн, за ним стояла конница Мюрата. Наполеон понимал, что русские и австрийцы постараются отрезать его от Дуная и Вены, окружить, загнать в горы и уничтожить. Девяносто тысяч союзников спустились с Праценских высот и атаковали семьдесят тысяч французов. Союзники сгрудились на правом фланге французов и Даву с боями начал притворное отступление в Гольдбахскую долину. Наполеон тут же передвинул к центру свой левый фланг и конницу. Русские войска ушли с высот и устремились за Даву. Наполеон отдал приказ, и Сульт с главными силами атаковал ослабленный центр союзников. Французы ворвались на Праценские высоты, прорвали фронт и рассекли союзников пополам. Левый фланг Ланна и прекративший отступать Даву зажали русские войска в Гольдбахской долине. Мюрат обошел их с юга. Русские войска были раздавлены и отброшены к замерзшим прудам. Наполеон тут же это заметил. Французские ядра разнесли лед и прямо в полыньи начали отступать яростно отбивавшиеся русские полки. Отчаянно-бешеная атака русских кавалергардов, попытавшихся спасти своих гибнущих братьев по оружию, была заранее блокирована и конные кирасиры наполеоновской гвардии почти целиком вырубили цвет гвардии российской. Русские батальоны истреблялись картечью, уходили под лед, попадали в плен. Оказалось, что Наполеон ведет битву не в соответствии с диспозицией Вейротера. Кто бы мог подумать? Управление боем было потеряно, союзные войска перемешались, связи между ними просто не было. Русская армия погибала в хаосе яростной битвы. Французы были удивлены полным военным невежеством руководства союзников. Они не знали, что боем руководил не Кутузов, а Александр I.

Аустерлицкое сражение длилось весь зимний световой день. 15000 русских и австрийцев были убиты или ушли под лед. В плен были взяты двадцать тысяч союзников, вся их артиллерия и колоссальные обозы с боеприпасами и продовольствием. Французы потеряли 8000 воинов. Первыми с поля боя побежали, конечно, императоры Александр и Франц. Их тут же бросили все приближенные, позже, естественно, прощенные. Александр, как обычно, плакал, но не забыл обвинить в поражении Кутузова, спасшего войска от полного разгрома. Император запретил сообщать в Россию об Аустерлицком позоре и все русские газеты глухо молчали. Не молчали родственники погибших воинов.

Русский офицер писал о вступлении победной армии в Петербург в 1814 году:

«Показался император на славном коне с обнаженной шпагой. Мы им любовались. В эту самую минуту почти перед его лошадью через улицу перебежал мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя».

Александру I нравилось играть в живые, а не оловянные солдатики. Теперь солдатики решили взбунтоваться и поиграть с императором.

Мятеж декабристов и его последствия

Ужасное министерское столетие в России было прервано 14 декабря 1825 года событием, получившим название «заговор и восстание декабристов». Императорское правление в России в одночасье могло смениться ограниченной монархией или республикой. Сохранение власти династии Романовых, казавшейся незыблемой благодаря гению Петра и Екатерины Великих, теперь зависело от множества случайностей.

Во время заграничных походов 1813–1814 годов большое количество русских офицеров близко познакомилось с европейскими законами, с философскими и политическими теориями лучших умов Европы. Условия жизни и быта европейцев всех сословий произвели на российских дворян колоссальное впечатление. Все участники войны увидели, как можно жить без крепостного права. Дворяне, и до этого не страдавшие отсутствием знаний о дворцовых переворотах, подробно познакомились с иностранными теориями заговоров и механизмом создания тайных политических обществ, распространенных в Европе. Двадцатилетние гвардейцы-орденоносцы, только что участвовавшие в мировых исторических событиях, вернулись домой, в Россию, и столкнулись с реалиями бюрократической действительности. Современник писал о властях: «Тонули – топор сулили, вытащили – топорища жаль. Цари преступили клятвы свои. Видишь духа мрака в схватке с гением света». Тайное офицерское общество было образовано в Семеновском полку, действовали «Орден русских рыцарей» Михаила Орлова, «Священная артель» в Главном штабе, офицерский кружок Владимира Раевского в Каменец-Подольске. В 1816 году был создан «Союз спасения» из двадцати офицеров, через два года – «Союз благоденствия» из двухсот дворян, в 1821 году – Северное и Южное тайные общества. Первоначальные офицерские союзы своей целью ставили действия на общую пользу, в поддержку благих мер правительства и частных предприятий, препятствие всякому злу и обличение злоупотреблений чиновников и бесчестных поступков частных лиц. Затем главной целью офицерских обществ стало формирование в России общественного мнения. Александр I читал их программы и не возражал против существования тайных кружков. Ситуация изменилась в 1820 году после солдатских волнений в Семеновском полку. Начались офицерские разговоры об ограниченной монархии и даже республике. Заговорили о мятеже, о перевороте во главе с армией, возглавлявшейся чинами тайных обществ. Участие простого народа в перевороте не предусматривалось, чтобы избежать новой Пугачевщины. Будущие декабристы приняли тактику военной революции. Александру I предоставили все сведения о программах и планах тайных обществ с перечислением всех членов. Император в 1821 году распорядился о создании военной полиции в гвардии, а через год издал манифест о закрытии масонских лож и вообще всех тайных обществ, под какими бы наименованиями они бы не существовали. Все военнослужащие и гражданские чиновники дали подписку о их неучастии в тайных обществах. После этого офицерские союзы стали по-настоящему тайными. В них стали разрабатываться конкретные планы по свержению существующего строя. Общественные проблемы при обсуждении были заменены политическими, началась подготовка двух вариантов конституций. Заговорщики хотели создания ограниченной монархии или республики, с федеративным устройством или унитарной, ликвидации сословий, уничтожения крепостного права, установления равенства всех граждан перед законом: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ существует для блага правительства». Каждый крестьянин должен был получить две десятины пахотной земли. Законодательная власть переходила парламенту, Народному Вечу, Державной думе. Исполнительная власть должна была принадле-

жать императору с правом вето, которое Вече могло легко преодолеть. Более радикальный вариант давал исполнительную власть избираемой на пять лет Вечем Думе из пяти членов. Вводился большой имущественный избирательный ценз. Женщины избирательных прав не получали. Объявлялась свобода слова, печати, собраний, вероисповеданий, передвижения. Вариантов мятежа было несколько и оно предполагалось на весну 1826 года. В соответствии с теорией военной революции переворот должен совершиться одними войсками под командой офицеров-революционеров. Войска не должны были знать об истинных планах заговорщиков и подчиняться офицерам в силу военной субординации и личной привязанности. Южное тайное общество сверхрадикала полковника П.Пестеля и Северное тайное общество поэта К.Рылеева из-за их амбиций так и не смогли объединиться.

19 ноября 1825 года в Таганроге неожиданно умер Александр I и ситуация для заговорщиков резко изменилась. Они решили выступать в период передачи власти другому государю.

У Александра не было детей и наследовать престол должен был его брат Константин Павлович. Он править не хотел и еще в 1823 году отказался от своих прав на престол. Это было сделано негласно и о том, что новым государем должен был стать третий сын Павла I Николай, знали только Романовы. 27 ноября Николай возможно под давлением высших военных во главе с губернатором Санкт-Петербурга М.Милорадовичем присягнул Константину, наместнику императора в Варшаве. За Николаем Константину присягнул Государственный Совет, Сенат и петербургский гарнизон.

Константин все равно отказался императорствовать и в империи наступил паралич власти, названный двухнедельным Междуцарствованием. Сам Константин занимал двусмысленную позицию, соглашаясь на передачу власти только на словах и не подписывая официальный акт отречения от престола. Наконец, Николай Павлович, ожидая выступления тайного общества, о планах которого ему было известно, решил объявить себя императором. 13 декабря вечером Николай подписал манифест о своем вступлении на российский престол и на раннее утро следующего дня назначил переприсягу себе. Солдафона Николая, уже прозванного в народе «Палкиным», войска не любили. Момент был удобным и декабристы решили взять власть. Впрочем, удобных моментов для этого было более, чем достаточно с 19 ноября 1825 года.

Утром 14 декабря войска, отказавшиеся присягать Николаю, утром должны были выйти на Сенатскую площадь и если надо силой оружия не допустить сенаторов к переприсяге, заставить их объявить правительство низложенным и подписать декабристский манифест к русскому народу. Манифест объявлял о уничтожении бывшего правления, учреждал Временное революционное правительство, сообщал о ликвидации крепостного права и об уравнении всех граждан перед законом, объявлял свободу печати, вероисповедания, занятий, вводил гласный суд присяжных, уничтожал рекрутский набор, отменял недоимки. Все чиновники увольнялись и заменялись выборными лицами. Если бы этот Манифест был подписан и обнародован, дело Николая было бы мгновенно проиграно.

Одновременно с войсками, занимавшими Сенатскую площадь, Гвардейский Морской экипаж и Измайловский полк во главе с И.Якубовичем должны были ворваться в Зимний дворец и арестовать Николая Павловича, судьбу которого должно было решить Народное Вече. На созванном Великом Соборе всего народа должна была решиться судьба Российской империи, рассмотрены декабристские конституции.

Лейб-гренадеры во главе с полковником Булатовым должны были захватить Петропавловскую крепость – там должен был быть штаб восстания. Рылеев попросил своего товарища Каховского утром 14 декабря пробраться в Зимний дворец и убить Николая.

Заговорщики с трудом смогли решить, кто встанет во главе восстания. Руководителем с полномочиями диктатора назначили гедиминовича князя С.Трубецкого. Он предложил также объявить, солгать солдатам, что будто бы в завещании Александра I записано об уменьшении срока службы нижним чинам. Именно для принятия этого закона солдат выводят из казарм в город. Почему-то все были уверены, что верные Николаю полки не пойдут на отказавшихся переприсягать товарищей по оружию, и никакого кровопролития не будет. Николай будет сидеть в Зимнем и ждать, когда его заставят отказаться от самодержавия или убьют. О том, что представители древних дворянских родов будут лгать солдатам, которых поведут на смерть, декабристы не спорили. Заговорщики договорились обо всем и ушли по домам.

Ночью от своих обязанностей в перевороте отказались Каховский, Якубович и Булатов. Все начало рушиться. Сразу же струсивший князь и полковник и диктатор С.Трубецкой спрятался в австрийском посольстве. Основанный на солдатском обмане и фантастических предположениях план декабристов начали приводить в действие те из декабристов, которые были готовы не только говорить, но и действовать. Неразбериха, хаос, боязнь ответственности преобладали не только среди заговорщиков, но и в стане Николая Павловича, где на императорскую корону претендовали Константин и мать братьев Мария Федоровна, вдова Павла I. Декабристы просто опоздали.

В семь часов утра Николаю Павловичу присягнули командиры гвардейских полков, Сенат и Государственный Совет. Генералы приводили к присяге свои полки, по всем церквам читали напечатанные ночью манифест о восшествии на престол Николая Павловича и улицы были полны народа. Пока искали и не нашли Трубецкого, время было упущено. Выяснилось, что Сенат пуст, а присягнувшие Николаю сенаторы уехали кто куда. К десяти часам утра декабристы братья Бестужевы преодолели сопротивление полковых командиров и вывели лейб-гвардии Московский полк на Сенатскую площадь. Семьсот солдат встали в каре перед Медным всадником. К двенадцати часам к ним прорвались тысяча гвардейских гренадеров во главе с Пановым и Сутгофом и гвардейский Морской экипаж во главе с третьим Бестужевым. Больше никаких воинских частей, на которых рассчитывали заговорщики, на Сенатской площади не появилось. Многие декабристы сидели по домам и ждали, чем все кончится.

Вокруг Медного всадника встали в каре три тысячи солдат и тридцать офицеров. На Сенатскую площадь вышел только каждый пятый декабрист. Вокруг них были толпы народа, черни, число которых, по свидетельству очевидцев, превышало количество восставших. Все сочувствовали декабристам, которые стояли и ждали, может быть хотели взять Николая на испуг. Сам новый император впоследствии говорил: «Самое удивительное в этой истории – это то, что меня тогда не пристрелили».

Пока декабристы пугали царя, к нему, прикрытому только небольшим караулом лейб-гвардии Финляндского полка, подошел, наконец, батальон преображенцев, конногвардейцев, и Николай повел их к Сенату на бунтовщиков. Зимний с семьей царя окружили восемьсот гвардейцев его любимого Саперного батальона.

Николая окружили гвардейские генералы, декабристов окружали верные ему полки Преображенский, Конный, Финляндский, Павловский, Семеновский, Измайловский, Егерский, Кавалергардский, гвардейская артиллерия. 9000 пехотинцев и 3000 кавалеристов при 36 орудиях окружили три тысячи восставших. Декабрист Каховский застрелил уговаривавшего разойтись солдат М.Милорадовича. В час дня по приказу царя лейб-гвардии Конный полк атаковал лейб-гвардии Московский и Гренадерский полк, но был отбит ружейными залпами. Так продолжалось несколько раз, продолжились и переговоры. Количество простого народа превысило сто тысяч человек, со строившегося Исакиевского собора в царя кидали

кирпичи и поленья, из верных императору войск начались перебежки к восставшим. Николай скомандовал палить и залпы картечи с убойных сто метров разорвали каре декабристов. Из австрийского посольства выглядывал Трубецкой и смотрел, как умирали его товарищи. Восемь картечных залпов с небольшим интервалом врезались в восставших, кричавших «Да здравствует свобода!». На Сенатской площади лежали сотни трупов, тысячи раненых и было слышно в наступившей тишине, как кровь струилась по мостовой, растапливала снег и, утихнув, замерзала.

Остатки восставших Бестужевы построили в боевой порядок на льду Невы и Николай приказал расстрелять лед. Многие утонули в полыньях, многие бежали. К шести часам все было кончено. Кровь быстро засыпали снегом. Из восставших декабристов и черни погибло 1200 человек. Власти, само собой, объявили о восьмидесяти трупах. Начались аресты участников мятежа. Их везли в Зимний дворец, где допросы вел сам Николай I. Восстание Южного тайного общества под Киевом было расстреляно. И в Петербурге и на Украине в императорских войсках было много декабристов, стрелявших по своим товарищам.

К следствию в Петербурге, Белой Церкви и Могилеве по делу декабристов было привлечено 579 офицеров и дворян и тысячи невиновных солдат. По законам Российской империи за мятеж в мирное время полагались исправительные наказания высших степеней, в военное – каторга до восьми лет и ссылка в Сибирь. Войны не было, и следствие и суд над декабристами были сделаны закрытым политическим процессом. Любимец царя Николая генерал-адъютант А.Бенкендорф писал, что «соблюдалась лишь наиболее возможная степень законности и гласности». Центральной на следствии стала тема возможного цареубийства. Многие из декабристов, находившихся рядом с Николаем I 14 декабря, могли его застрелить, но этого не сделали. Многие из них до этого часто командовали в Зимнем дворце гвардейскими караулами, но четко выполняли свои обязанности по службе.

На следствии декабристы вели себя по-разному: каялись, доносили на виновных и невиновных, держались стойко, отказывались давать показания и выдавать товарищей. Суд приговорил пять человек к четвертованию, тридцать – к отсечению головы, семнадцать – к политической смерти, шестнадцать – к вечной ссылке в каторжные работы, пять – к десятилетней, пятнадцать – к ссылке на поселение, троих – к ссылке в Сибирь, и одного в солдаты с возможной выслугой. Николай смягчил приговор. В июле 1826 года пятеро декабристов были казнены, сто двадцать отправлены в сибирскую каторгу, многие лишены чинов и дворянства, просто сосланы, разжалованы и отправлены рядовыми в Кавказскую армию. Комендант Петропавловской крепости писал о казни: «Когда были отняты скамьи из-под ног, веревки оборвались и трое преступников рухнули в яму, пробив тяжестью своих тел и оков постеленные над ней доски. Запасных веревок не было, но было ранее утро, все было заперто, поэтому исполнение казни промедлилось. Однако операция была повторена и на этот раз совершилась удачно». Список осужденных декабристов известен истории:

«Полковник Вятского пехотного полка Павел Пестель, 32 лет, отставной подпрапорщик Кондратий Рылеев, 32 лет,

подполковник Черниговского пехотного полка Сергей Муравьев-Апостол, 29 лет,
подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин, 26 лет,
отставной поручик Петр Каховский, 27 лет;
полковник князь Сергей Трубецкой, 35 лет,
поручик лейб-гвардии Финляндского полка князь Евгений Оболенский, 29 лет,
отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол, 33 лет,
подпоручик Третьей артиллерийской бригады Петр Борисов 2-й, 26 лет,
отставной подпоручик Андрей Борисов 1-й, 28 лет,
подпоручик Второй артиллерийской бригады Иван Горбачевский, 36 лет,

майор Пензенского полка Михаил Спиридов, 29 лет,
штаб-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка князь Александр Барятинский, 28 лет,
коллежский асессор Вильгельм Кюхельбекер, 29 лет,
капитан Нижегородского драгунского полка Александр Якубович, 34 лет,
отставной подполковник Александр Поджио, 29 лет,
полковник Ахтырского гусарского полка Артамон Муравьев, 32 лет,
прапорщик Нежинского конно-егерского полка Федор Вадковский, 25 лет,
прапорщик Восьмой артиллерийской бригады Владимир Бечаснов, 23 лет,
отставной полковник Василий Давыдов, 34 лет,
бывший генерал-интендант Второй армии, 4 класса Алексей Юшневский, 40 лет,
штабс-капитан лейб-гвардии драгунского полка Александр Бестужев, 27 лет,
подпоручик Восьмой артиллерийской бригады Яков Андреевич 2-й, 28 лет,
капитан гвардейского генерального штаба Никита Муравьев, 34 лет,
коллежский асессор Иван Пущин, 27 лет,
генерал-майор князь Сергей Волконский, 36 лет,
отставной капитан Иван Якушкин, 34 лет,
подпоручик Девятой артиллерийской бригады Александр Пестов, 23 лет,
лейтенант гвардейского экипажа Антон Арбузов, 28 лет,
лейтенант Восьмого флотского экипажа Дмитрий Завалишин, 24 лет,
полковник Саратовского пехотного полка Иван Повало-Швейковский, 35 лет,
поручик лейб-гвардии гренадерского полка Николай Панов 2-й, 22 лет,
поручик лейб-гвардии гренадерского полка Александр Сутгоф, 26 лет,
штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка князь Дмитрий Щенин-Ростовский, 28 лет,
мичман гвардейского экипажа Василий Дивов, 24 лет;
капитан Пензенского пехотного полка Алексей Тютчев, 26 лет,
поручик Пензенского пехотного полка Петр Громницкий, 27 лет,
прапорщик Восьмой артиллерийской бригады Иван Киреев, 25 лет,
поручик квартирмейстерской части Николай Крюков 2-й, 26 лет,
подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Михаил Лунин, 43 лет,
корнет Кавалергардского полка Петр Свистунов, 23 лет,
поручик Кавалергардского полка Александр Крюков 1-й, 32 лет,
поручик лейб-гвардии Егерского полка Николай Басаргин, 26 лет,
полковник лейб-гвардии Финляндского полка Михаил Митьков, 34 лет,
поручик Кавалергардского полка Иван Анненков, 24 лет,
штаб-лекарь Христиан Вольф, 35 лет,
ротмистр Кавалергардского полка Василий Ивашев, 29 лет,
подпоручик Пензенского полка Александр Фролов, 23 лет,
отставной подполковник Василий Наров, 32 лет,
капитан-лейтенант флота Константин Горсон, 31 лет,
капитан-лейтенант Восьмого экипажа Николай Бестужев 1-й, 34 лет,
штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Михаил Бестужев, 26 лет,
отставной подполковник барон Владимир Штейнгель, 40 лет,
подполковник корпуса инженеров путей сообщения Гавриил Батенков, 36 лет;
штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка Петр Муханов, 30 лет,
отставной генерал-майор Михаил фон Визин, 38 лет,
отставной штабс-капитан Иосиф Поджио, 34 лет,
подполковник квартирмейстерской части Петр Фаленберг, 36 лет,
провиантский чиновник 10 класса Илья Иванов, 26 лет,

подпоручик Пензенского пехотного полка Павел Мозган, 26 лет,
штабс-капитан гвардейского генерального штаба Александр Корнилович, 29 лет,
майор Вятского пехотного полка Николай Лорер, 31 лет,
полковник Казанского пехотного полка Павел Аврамов, 35 лет,
поручик квартирмейстерской части Павел Бобрищев-Пушкин 2-й, 24 лет,
прапорщик Саратовского пехотного полка Иван Шимков, 24 лет,
корнет Кавалергардского полка Александр Муравьев, 23 лет,
мичман гвардейского экипажа Александр Беляев 1-й, 25 лет,
мичман гвардейского экипажа Петр Беляев 1-й, 22 лет,
полковник Тарутинского пехотного полка Михаил Нарышкин 2-й, 31 лет,
корнет гвардии Конного полка князь Александр Одоевский, 25 лет;
штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка Николай Репин, 29 лет,
коллежский секретарь Михаил Глебов, 25 лет,
поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон Андрей Розен, 27 лет,
лейтенант гвардейского экипажа Михаил Кюхельбекер, 26 лет,
мичман гвардейского экипажа Михаил Бодиско, 25 лет;
отставной полковник Александр Муравьев, 35 лет,
дворянин Волынской губернии Юлиан Люблинский, 27 лет;
подпоручик квартирмейстерской части Владимир Лихарев, 26 лет,
командир конно-артиллерийской роты подполковник Андрей Ентальцев, 38 лет,
поручик Пензенского пехотного полка Николай Лисовский, 27 лет,
полковник Полтавского пехотного полка Василий Тизенгаузен, 47 лет,
подпоручик лейб-гвардии конной артиллерии Сергей Кривцов, 24 лет,
прапорщик лейб-гвардии Московского полка Владимир Толстой, 20 лет,
ротмистр Кавалергардского полка граф Захар Чернышев, 28 лет,
поручик квартирмейстерской части Иван Аврамов, 24 лет,
поручик квартирмейстерской части Николай Загорецкий, 28 лет,
отставной полковник Павел Поливанов, 29 лет,
поручик квартирмейстерской части барон Алексей Черкасов, 26 лет,
поручик Кирасирского полка граф Николай Булгари, 21 год,
канцелярист Павел Выгодовский, 24 лет,
подполковник Девятой артиллерийской бригады Александр Берстель, 37 лет,
отставной полковник Александр фон дер-Бриген, 33 лет;
подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Андрей Андреев, 21 лет,
мичман Двадцать седьмого флотского экипажа Петр Бестужев, 24 лет,
подпоручик Девятой артиллерийской бригады Аполлон Веденянин 1-й, 25 лет,
действительный статский советник Семен Краснокутский, 38 лет,
лейтенант Второго флотского экипажа Николай Чижов, 26 лет,
камер-юнкер князь Валериан Голицын, 24 лет,
штабс-капитан лейб-гвардии конно-пионерского эскадрона Михаил Назимов, 27 лет,
поручик квартирмейстерской части Николай Заикин, 24 лет,
капитан Черниговского пехотного полка Андрей Фурман, 31 лет,
прапорщик Девятой артиллерийской бригады Алексей Веденянин 2-й, 22 лет,
штабс-капитан Азовского пехотного полка Иван Фохт, 31 лет,
подпоручик Саратовского пехотного полка Николай Мозгалевский, 24 лет,
поручик Черниговского пехотного полка Андрей Шахирев, 25 лет,
подполковник квартирмейстерской части Василий Враницкий, 43 лет,
лейтенант гвардейского экипажа Борис Бодиско 1-й, 27 лет;
подпоручик гвардейского генерального штаба граф Петр Коновицын 1-й, 23 лет,

отставной штабс-ротмистр Николай Оржитский, 29 лет,
подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Нил Кожевников, 21 лет,
подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Матвей Лаппа, 27 лет;
капитан лейб-гвардии конно-пионерского эскадрона Михаил Пущин 1-й, 23 лет,
лейтенант гвардейского экипажа Енафродит Мусин-Пушкин, 33 лет,
лейтенант гвардейского экипажа Николай Акулов, 28 лет,
подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Александр Фок, 23 лет».

По официальной заниженной статистике причастных к восстанию декабристов солдат и матросов было более четырех тысяч, из которых потом в приговоре были названы сто пятьдесят воинов. На Сенатской площади погибли семьдесят солдат лейб-гвардии Московского полка, сто солдат лейб-гвардии Гренадерского полка, сто матросов Морского гвардейского экипажа и семнадцать офицеров-декабристов. Участвовавших в восстании солдат и матросов также отправляли на каторгу в Сибирь, прогоняли сквозь строй из тысячи человек со шпицрутенами по десять раз, тех, кто после этого оставался в живых, отправляли в действующую Кавказскую армию. В Сибири самых отчаянных солдат приговаривали к расстрелу. Ружья конвоя были ржавыми, раненых солдат добивали штыками.

Великий русский поэт Александр Пушкин писал декабристам на каторгу:

«Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье».

Пушкину смог ответить декабрист Александр Одоевский:

«Наш скорбный труд не пропадет.
Из искры возгорится пламя
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя».

Труд не пропал, искра разгорелась, и еще как! Вся Россия читала «Катехизис» Муравьева:

«Какое правление сходно с законом божьим? Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными и избрал апостолов из простого народа, а не из знатных и царей». В России уже был и яростный бунт Степана Разина, душегубское восстание Емельяна Пугачева, дворянские перевороты. Наступало время народных заговоров, террора и революций.

Герой-декабрист Михаил Лунин из сибирской каторги под видом писем к сестре графине Уваровой писал о пороках и преступлениях царя и его холопов. Письма Лунина в копиях распространялись по всей империи. Ему удалось написать и переправить в Петербург правдивый «Взгляд на русское тайное общество с 1816 года по 1826 год». Власти, особенно для Европы, представляли декабристов кучкой бессмысленных преступников-убийц-бунтовщиков против законной власти. Лунин написал правду о правительственном «Донесении Следственной комиссии по делу 14 декабря 1825 года». Почти двадцать лет каторжник Лунин дрался с императором Николаем I один на один. Лунина перевели в страшную Акатуевскую тюрьму в Нерчинске и там задушили. Из Сибири успели долететь слова героя: «Народ думает, несмотря на свое глубокое молчание».

Николай I во главе своих детей, внуков, правнуков последовательно нарывался на подданных. У него получилось.

Отчаянный гром орудийных залпов 14 декабря загремел по России. Кровавый приговор, где большинство офицеров было медленно убиты только за недонесение и разговоры показал, что с императором разговаривать и доказывать ему что-либо совершенно бесполезно. Наступала эпоха массового народного революционного движения. В империи запели:

«Ах, тошно мне
В родной стороне!
Все в неволе, в тяжкой доле,
Видно, век вековать?
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ?
И людями, как скотами,
Долго будут торговать?
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы.
Оно нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы».

Вся страна узнала, что в столице империи «бар били», что восставали целые полки во главе с офицерами. Теперь все подданные знали, что в стране существует проблема самодержавия и крепостничества. С 14 декабря 1825 года время в российской империи пошло по другому.

Николай I больше не хотел зависеть от своенравного дворянства. Он хотел иметь только своих людей, зависевших только от царя и от его державной воли. Император создал бюрократию. Эти многочисленные люди не стали своими для самодержавия. Они стали своими для себя.

Николай I стал править с помощью секретных комитетов и собственной канцелярии. Страной управляли девять секретных комитетов, временных высших совещательных органов при императоре. Николай потребовал дисциплины и порядка и тут же началось настойчивое насаждение среди все увеличивавшихся и увеличивавшихся чиновников беспрекословного послушания и всеобщего страха, сопровождавшегося бюрократическим отупением. Великий Пушкин говорил своему приятелю, хвалившему Николая I: «Хорош, хорош, только на тридцать лет дураков наготовил». Позже гений добавил: «Догадал же меня черт родиться с умом и талантом в России». Поэт говорил именно о России Николая I, в которой разгоралось ужасное министерское столетие, закончившееся только в 1917 году.

Функции личной охраны императора Александра I выполняла его свита, люди, состоявшие при его особе, полсотни генерал-адъютантов и сотня флигель-адъютантов. Политическим сыском при нем занимались Тайная экспедиция Сената и Тайная полицейская экспедиция при петербургском генерал-губернаторе, а затем ее функции перешли в Министерство внутренних дел, как Комитет высшей полиции, подчинявшийся императору. В 1811 году было создано министерство полиции, занимавшееся охраной внутренней безопасности. В министерстве была создана Особая канцелярия, занимавшаяся важнейшими политическими делами. Была создана военная полиция в армии, потом Тайная военная полиция. Полицейский хаос в империи продолжался со времен Павла I.

В апреле 1733 года в Российской империи была создана полиция, устав которой жестко регламентировал частную и общественную жизнь в государстве, направленную на воспитание подданных в духе добронравия к власти.

Каждый российский город делился на части по двести-семьсот дворов и кварталы по пятьдесят-сто дворов. Полицейские функции в них выполняли частные и квартальные приставы. Во главе полиции с 1782 года были управы благочиния, через сто лет замененные канцеляриями обер-полицмейстеров или полицмейстеров. Низшим полицейским чином был городовой стражник, постовой, служивший в небольшом полицейском участке-околотке. Во главе уездной полиции стоял капитан-исправник, возглавлявший и земский суд. Уезды делились на станы во главе со становыми приставами. Станы делились на волости. Главной задачей полиции были контроль за точным исполнением всеми жителями верноподданнического долга, охрана общественной безопасности, приведение в повиновение недовольных, преследование разбойников, воров, беглых, взыскание налогов. Со времен Павла I полиция начала осуществлять массовый полицейский надзор за многими подданными империи – гласный, временный, пожизненный. Устав полиции не исполнялся, все зависело от приказов царя-самодура, которых могло придти три в день, и каждый из них противоречил предыдущему.

В 1802 году в Российской империи появилось министерство внутренних дел, в 1811 году – министерство полиции, куда вошли все охранительные структуры.

У Павла I и Александра I были собственные императорские канцелярии, занимавшихся их личной перепиской и державшие на контроле важнейшие проблемы государства. Все изменилось при Николае I, который почему-то решил заниматься всем и контролировать все в империи. Он все дела забрал в личную канцелярию и их было столько, что маленькая канцелярия чрезвычайно разрослась и была разделена на отделения. Первое отделение исполняло личные повеления и поручения государя, представляло ему поступающие на его имя бумаги и объявляло по ним решения. Второе отделение пыталось привести в порядок российское законодательство. В начале 1826 года генерал-адъютант А.Бенкендорф предложил Николаю создать Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии: «События 14 декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более десяти лет эти события, вполне доказывает ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть». 3 июля 1826 года Николай на основании проекта Бенкендорфа «Об устройстве высшей полиции» подписал указ «О присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Величества канцелярии». Официально Третье отделение ведало полицией империи и следило за законностью и порядком в управлении и общественной жизни. Задачей его сотрудников было «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью, или преобладанием сильных, или пагубным направлением злоумышленных людей». Надзор за соблюдением законности в стране быстро превратился в надзор за политическим настроением общества.

Более пятидесяти лет Третье отделение осуществляло политический розыск в империи, наблюдало за обществом, отдельными подданными и правительственными органами. Его власть была неограниченной. Первым его начальником был назначен А Бенкендорф. Непосредственным создателем системы имперского политического сыска стал Л.Дубельт, объединивший Особую канцелярию, черный комитет для перлюстрации писем подданных, тайную агентуру, жандармерию и заграничную разведку. Третье отделение превратилось в орган верховной власти, сосредоточивший в своих руках все ветви управления государством. Подчиняясь только Николаю I, Третье отделение стояло вне общей системы государственных учреждений, находясь над ними. Ему по сфере деятельности подчинялись министры, генерал-губернаторы, губернаторы. Третьим отделением руководил главноуправляющий, он же шеф жандармов, и управляющий, он же начальник штаба корпуса жандар-

мов. Исполнительными органами Третьего отделения стали учреждения и воинские части жандармерии. Бенкендорф называл свою службу когортой добромыслящих, охраняющих общество от заблуждений: «Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги. Полиция внушает честным людям безопасность, но и пугает их и удаляет от престола. Честные и способные часто брезгуют ролью тайных шпионов. Злодеи, интриганы и недалекие люди, раскаявшись в своих ошибках, по крайней мере будут знать, куда им обратиться».

Третье отделение разместилось на углу Гороховой улицы и набережной реки Мойки, в 1838 году оно переехало в дом 16 на набережной реки Фонтанки, где у Цепного моста находилось до 1917 года.

Третье отделение было гражданской организацией со штатом от шестнадцати до сорока служащих. Его аппарат состоял из общего архива, двух секретных архивов, типографии и пяти экспедиций. Первая экспедиция ведала всеми политическими делами, наблюдением и надзором за общественными и революционными организациями и деятелями. Она проводила дознания по политическим делам, составляла для императора ежегодные «Отчеты о действиях» – обзоры общественного мнения и политической жизни страны, вела дела, связанные с оскорблением царя и императорской фамилии. Бенкендорф писал, что общественное мнение также важно для власти, как топографическая карта для полководца.

Вторая экспедиция вела надзор за религиозными сектами, раскольниками, фальшивомонетчиками, занималась должностными преступлениями, делами об убийствах, прошениями, жалобами, собирала сведения об изобретениях, заведовала штатами и кадрами Отделения, тюрьмами – Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями.

Третья экспедиция вела наблюдение за проживавшими в России иностранцами, собирала сведения о политическом положении в стране, революционных партиях и организациях зарубежных государств.

Четвертая экспедиция собирала сведения о крестьянском движении, о мероприятиях правительства по крестьянским проблемам, о всех происшествиях в стране, о видах на урожай.

Пятая экспедиция ведала цензурой и наблюдала за прессой. При необходимости Отделение создавало специальные комиссии и комитеты. Управляющий Отделением с тремя самыми доверенными сотрудниками непосредственно встречался с тайной агентурой, читал многочисленные доносы, открывал и закрывал по своему усмотрению дела, разбирался со шпионами-добровольцами, которых было множество. Уже тогда в политическом сыске появилась тенденция фальсифицировать дела или вообще высасывать их из пальца. Если в итоге Отделение не могло доказать обвинение, оно старалось обвинить подозреваемого в сумасшествии. В 1828 году Бенкендорф докладывал царю: «За три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За из действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение»!. Под контроль бралось все – дворянские балы, дружеские собрания, пирушки, карточные вечеринки, семейная жизнь подданных. Третье Отделение и Корпус жандармов возглавляли А.Х.Бенкендорф (1826–1844), А.Ф.Орлов (1844–1856), В.А.Долгоруков (1856–1866), П.А.Шувалов (1866–1874), А.Л.Потапов (1874–1877), Н.В.Мезенцев (1877–1878), А.Р.Дрентельн (1878–1880).

Третье отделение с самого начала конкурировало с министерством полиции, с министерством внутренних дел. Первый управляющий Третьим отделением М.Фок докладывал главнокомандующему политическим сыском А.Бенкендорфу: «Городская полиция собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, чтобы первой узнать все, что

делается. Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Переодетые полицейские чиновники наблюдают за тем, кто приходит ко мне домой». Третье отделение и МВД с 1826 года втыкало друг другу палки в колеса. Николай I создал службу своей личной охраны. Рота дворцовых гренадеров, созданная в октябре 1827 года, подчинялась не командиру гвардии, а министру императорского двора. В роте было сто двадцать специально отобранных солдат-орденоносцев и три выслужившихся из рядовых офицера. Рота несла караульную службу во дворцах, где находился Николай I. Все гренадеры и офицеры роты получали двойные оклады.

Уже в 1827 году А.Бенкендорф докладывал царю: «Все ждут если и не полного преобразования, то хотя бы исправления в порядке управления». Его заместитель генерал М.Фок добавлял: «Теперь самое время приступить к реформам в судебном и административном ведомствах, не действуя, впрочем, слишком решительно. Это ожидают с величайшим нетерпением и все в один голос твердят об этом». Николай I приказал реформатору Александра I М.Сперанскому, в 1826 году как члену суда над декабристами голосовавшему за их смертную казнь: «Цель вашей работы заключается не в полном изменении существующего порядка управления, но в его усовершенствовании посредством некоторых частных перемен и дополнений».

Разработка законов об улучшении жизни подданных была поручена чиновникам, жившим за их счет. Ни о каком обсуждении их в обществе не могло быть и речи – Николай I не доверял дворянству после восстания декабристов. В Государственный Совет на обсуждение подавались заведомо ложные документы, извращавшие ситуацию в стране. Шла игра в преобразования. Николай I систему набора и назначения на государственную службу не изменил, но усилил жандармерию.

Первые команды жандармов были созданы в 1792 году в гатчинских войсках Павла Петровича, как части военной полиции, наблюдавшие за порядком и настроениями в армии. В 1815–1817 годах части жандармерии были сформированы в армии, в гарнизонах всех городов империи. С этого периода наряду с военными функциями жандармерия стала выполнять задачи политической полиции.

В 1826 году при создании Третьего отделения Николай I подчинил ему жандармские части. Все они были сведены в Корпус жандармов с правами армии. Корпус стал исполнительным органом Третьего отделения, а с 1838 года его начальник одновременно назначался шефом Корпуса. Управляющий Третьим отделением назначался начальником штаба Отдельного корпуса жандармов, располагавшегося в доме 40 на Фурштадской улице Санкт-Петербурга. Вся Российская империя была разделена на восемь округов, во главе которых встали жандармские генералы, имевшие в подчинении старших офицеров, курировавших отдельные губернии. С 1867 года начали создаваться губернские жандармские управления, ранее были созданы жандармские дивизионы – московский, петербургский, варшавский.

Во времена Николая I в немногочисленных гимназиях учили только детей дворян и чиновников. Дети купцов и мещан учились в губернских и уездных училищах, но их было совсем мало. Николай I боялся просвещения и образования. Министр народного просвещения С.Уваров, автор формулы «православие, самодержавие, народность», в учебные заведения принимал с разбором. Преподавание философии в университетах было прекращено, сами университеты подвергнуты исключительному надзору. Посылка молодых преподавателей на стажировку за границу прекратилась. Количество студентов в университете не должно было превышать трехсот слушателей. Значительно усилилась цензура. Выдающегося русского писателя Ивана Тургенева заключили на полтора месяца в тюрьму и отпра-

вили в ссылку только за то, что он в некрологе посмел назвать великого русского писателя Николая Гоголя великим, с трудом опубликовав его только в московской газете. Великим мог быть только Николай I.

Наука и литература подверглись гонениям. Увеличились опалы и наказания без суда. В обществе императора Николая стали называть «самодовольной личностью с кругозором ротного командира». В Европе Россию стали называть огромной казармой, в которой всегда где-то волновались крестьяне.

К середине XIX века в России числилось десять с половиной миллионов ревизских душ, делившихся на оброчных и барщинных крестьян. В производстве и продаже хлеба царил хаос. Из-за плохих дорог никто не знал, когда и куда будет доставлено зерно. Разница в стоимости ржи летом и зимой 1840 года составляла чуть ли не десять к одному и более. Помещики продолжали отнимать крестьянские наделы, пытались организовать переработку сельхозпродуктов непосредственно в имениях, само собой увеличивая бесплатный труд крепостных. Происходило массовое обезземеливание крестьян, которых толкали на оброк, который со времен Екатерины Великой поднялся в пять раз, а в нечерноземных губерниях – в десять. На производствах в поместьях фиксировалась колоссальная крестьянская смертность, чуть ли не каждого четвертого работника. Увеличивалась отдача крестьянских девушек в притоны за вознаграждение. В общении с крестьянами многие помещики совершенно не ограничивали себя ни в чем. Их повсеместно секли, пороли, сажали в домашние тюрьмы в кандалах и железных ошейниках, выбивали ногами зубы. Дворянская изобретательность в издевательствах над беззащитными людьми была безгранична. Многие специально кормили крепостных червивым мясом за, например, плохо вычищенную трубку или обувь, за остывшую еду. Зафиксированы случаи многочисленного тыкания перочинным ножом маленьких детей помещиками. Детей обливали на морозе водой, заставляли есть разбитое стекло, грызть кости, бегать на поводке, травили собаками. Издевательства многих помещиков над крепостными девушками авторы описывать не станут. На российских просторах существовали помещики, насиловавшие всех своих крепостных женщин поголовно. Законная защита крестьян не действовала. Помещика, изнасиловавшего большое количество своих четырнадцатилетних крепостных девочек до смерти, суд оправдал, несмотря на явные улики. Дети и внуки помещиков-садистов и помещиков, хорошо относившихся к крепостным, почему-то сильно удивлялись и негодовали, что их начали массово убивать в 1917 году. Надо было первым познакомиться с биографиями своих дедушек и бабушек и перестать удивляться. Само собой, император всероссийский Николай I Павлович был в курсе многочисленных издевательств над своими подданными. Для него важнее было наказать дворянина, посмевшего обогнать его карету на Невском проспекте Санкт-Петербурга. Какие там еще крестьяне! Пусть пашут, молчат и умирают! Да здравствует империя! Крестьянские жалобы не имели никаких последствий. За жестокость помещиков в опеку было взято только несколько имений. Помещики ничего не боялись, не думая о том, что бояться придется их внукам, но будет уже поздно. Крестьяне массово бежали на север, юг, в Сибирь, заканчивали жизнь самоубийством и власти в отчетах называли их скоропостижно умершими. Третье отделение докладывало Николаю о сотнях подобных случаях. Крестьяне убивали помещиков-садистов, на них посылали войска и проводили массовые экзекуции. За время правления Николая I крестьянских волнений было почти тысяча и количество их с каждым годом росло. Крестьяне массово просились в солдаты, чтобы избежать дворянских издевательств. В 1843 году сорок тысяч восставших в Пермской губернии крестьян усмиряли десять тысяч солдат с десятком орудий. В стране стала создаваться постоянная атмосфера неудовольства, начавшего переходить в ненависть. Помещикам внушали быть снисходительнее к своим крестьянам, но они, конечно, не внушались. Они продолжали обливать не понравившимися им кипящими щами головы своих крепостных поварих. При редких проверках помещики говорили, что щи уже

успели остыть. Читать жалобы крестьян на помещиков-извергов почти невозможно. Читать объяснения помещиков-садистов омерзительно. Архивные данные по крепостной трагедии многочисленны и ужасающи. Крестьяне продолжали оставаться в полной зависимости от помещиков, которые во главе с царем Николаем I активно нарывались на народ.

Третье отделение создало огромную сеть агентов и провокаторов, среди которых было много добровольцев. Они действовали во всех слоях населения и выявлявших умонастроения общества с последующим изъятием из него всех недовольных военно-полицейскими порядками в империи.

Тюрьмы, каторга и ссылка не пустовали. Были затравлены и погибли многие выдающиеся люди николаевского времени. Из Лондона газета почти первого в России политического эмигранта А.Герцена «Колокол» «звала живых», рассказывала о министрах-казнокрадах, судьях-взяточниках, чиновниках-самодурах, помещиках-крепостниках. Комендант Петропавловсой крепости получал удовольствие от того, что говорил своим потенциальным клиентам о давно приготовленных для них казематах. В 1848 году в Санкт-Петербурге грянуло дело о петрашевцах.

Информацию о собраниях и беседах в петербургском доме дворянина М.Петрашевского получила полиция МВД. Она ввела провокатора в кружок, в котором обсуждались теории социалистов Сен-Симона и Оуэна, мечтали о лучшем будущем для России и ее народа. Министр внутренних дел сообщил о собраниях государю, как о раскрытии преступления, угрожавшего Отечеству. Разъяренный Николай I орал на начальника Третьего отделения графа М.Орлова, что у его агентов нет нюха и назвал их сопливыми псами. Орлов доложил царю, что дело петрашевцев не стоит выеденного яйца и не несет никакой опасности для империи. Достаточно без шума и скандала поговорить с Петрашевским, чтобы он прекратил собрания. Революция 1848 года в Европе напугала царя и в ночь на 23 апреля 1849 года совместными группами Третьего отделения и МВД было арестовано сорок восемь посетителей собраний Петрашевского. Чтобы убеждать императора в своей необходимости, получать звания, чины, ордена, премии, Третье отделение и Министерство внутренних дел пугали императора выдуманными заговорами, блефуя, как высокопрофессиональные шулера. Началось выдумывание и создание «тайных обществ». Управляющий Третьим отделением Л.Дубельт писал: «Вот и у нас заговор! Слава Богу, что вовремя открыли. Петропавловская крепость и Сибирь – сколько ни употребляют эти средства, все никого не исправляют». Незадолго до дела Петрашевского жандармы разгромили литературно-философское Кирилло-Мефодиевское братство, среди членов которого были выдающиеся историк Н.Костомаров и поэт Т.Шевченко. После сидения в Петропавловской крепости их сослали.

Петрашевцев обвинили за политические разговоры и мечтания. В империи считалось преступлением даже чтение письма критика В.Белинского писателю Н.Гоголю, в котором утверждалось, что нужно с помощью законов соблюдать чувство собственного достоинства каждого человека. Двадцать человек из кружка М.Петрашевского приговорили за беседы к смертной казни. Их привезли на Семеновскую площадь Петербурга, огласили приговор, связали осужденных, надели на их головы мешки, выстроили напротив расстрельную команду, клацнули ружейными затворами и в последний момент остановили казнь, заменив ее многолетней сибирской каторгой. Среди почти казненных был великий русский писатель Федор Достоевский.

Выдающийся русский писатель Михаил Салтыков-Щедрин, сосланный ни за что, писал о николаевских чиновниках: «Зависть и жадность у вас первого сорта. Так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир. Вот

почему вас везде ненавидят. Всякий убежден, что при одном вашем появлении должна умереть любая мысль о свободе».

Общество и появляющаяся интеллигенция стали называть власть Николая I карающей силой. Началось отчуждение между властью и обществом. В бюрократической стране процветали бесконтрольность и злоупотребления. Император сам заявлял цесаревичу, что в России не воруют только они двое. Третье отделение докладывало царю в обзорах общественного мнения: «Мнение двора, придворного общества, не представляет значения для правительства, так как это мнение не играет никакой роли в обществе. В высшем обществе существуют две группы – недовольные опальные вельможи и сторонники аристократической конституции на английский манер, и довольные. Обе группы не представляют никакой угрозы в смысле перехода к какому-либо действию. Улучшение настроения и мнения среднего класса помещиков, неслужащих дворян, купцов первой гильдии, образованных людей и литераторов прогрессирует с поразительной быстротой. Чиновничество не внушает сколько-нибудь серьезных опасений, но оно морально наиболее развращено. Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы. Министр финансов человек знающий и просвещенный, трудолюбивый, но упрямый, слушает только нескольких любимцев, которые его обманывают. Министр внутренних дел враг хищений, но совершенный невежа. Министр народного просвещения мракобес. Военный министр предмет ненависти всех без исключения. Морской министр прямо обвинен в воровстве. Армия вполне спокойна и прекрасно настроена. Крестьяне ждут освобождения. Духовенство живет почти в одинаковых условиях с крестьянством и заражается его настроениями. Молодежь, дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, прикрывающийся маской русского патриотизма. Из-за дурного воспитания эти молодые люди превращаются в карбонариев. Экзальтированная молодежь мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достичь которых у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. Страх быть обнаруженными удерживает их от создания тайных обществ».

Любое неофициальное мнение как событие чрезвычайной важности раздувалось до предела. За пение «непристойных» песен в студенческих пирушках студентов жестоко наказывали. Все, что было чуть выше дозволенного, вдруг становилось страшным преступлением. В обществе говорили о генерале Л.Дубельте, что «он выдумывает заговоры, чтобы пугать постоянно власть и этим доказывать свою необходимость». Сам Дубельт докладывал царю: «Зло существует в отдельности, но везде преследуется при его обнаружении. Покровительства и послабления злу нет. Если министры и другие власти не могут совсем искоренить беспорядок, то потому, что иные злоупотребления по общему порядку вещей существуют и всегда будут существовать у всех народов. В России по судебной и по административным частям нет общих вопиющих притеснений и злоупотреблений. Всем недовольны только те, кто по своему беспокойному характеру или неблагоразумию будут недовольны всегда».

Всем недовольным в Третьем отделении задавали вопрос: «Откуда вы заимствовали свободный образ мыслей – от общества, от внушений других, от чтения книг и рукописей, и каких именно?» Многие декабристы называли и писали по памяти стихи Александра Пушкина. По уставу 1828 года цензорам приказывалось: «Если будет представлено кем-либо на рассмотрение цензуры книги или художественное произведение, обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то об этом нужно немедленно извещать высшее начальство для установления надзора за виновным или предания

его суду по законам». Николай I лично читал все немногочисленные общественные журналы и требовал представить подробные сведения о благонадежности издателя. Поэт называл в стихах улыбку возлюбленной небесной. Цензор стихи запрещал: «Сказано слишком сильно. Женщина недостойна того, чтобы называть ее улыбку небесной». Поэт писал, что нежный взгляд возлюбленной дороже ему внимания вселенной. Цензор запрещал: «Сильно сказано. Во Вселенной есть цари и законные власти, вниманием которых нужно и должно дорожить». Сам Николай I выносил на обсуждение своего ближнего круга вопрос: «Должны ли мы считать французскую революцию революцией. Можно ли печатать в России, что Рим был республикой, а в Англии конституционное правление? Может быть, лучше писать и даже думать, что на свете не было и нет ничего подобного?»

Большое значение придавалось оценке русской общественной жизни Европой. В Германии, Австрии, Франции работали специальные чиновники, пытавшиеся опровергать резкие материалы, печатавшиеся за границей об императоре и его России. В 1836 году лично Николай за случайно опубликованное в журнале «Телескоп» полемическое письмо П.Чаадаева объявил его сумасшедшим. А.Бенкендорф писал московскому военному губернатору: «Государю императору угодно, чтобы вы поручили лечение Чаадаева докторам и употребили все средства для восстановления его здоровья». Дважды сосланный под пули великий русский поэт Михаил Лермонтов писал:

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей».

Ввоз книг из Европы контролировался, в книжных магазинах многих городов производились неожиданные обыски, недозволенные цензурой книги отбирались, книготорговцев судили. Не разрешалось не только писать о волновавших общество передовых идеях, но даже опровергать их. Политический сыск вмешивался во все стороны общественной российской жизни. По каждому из многочисленных доносов заводилось дело и шло расследование. Ежегодно фиксировалось более пяти тысяч «прошений» от лиц всех сословий. Николай писал начальнику Третьего отделения: «Объявить доносителям, что если пишут вздор, то с ними нужно поступать, как с сумасшедшими». Страна жила в блестяще организованном беспорядке. Николай лично разрешал каждому офицеру уходить в отпуск, купцу учиться в учебных заведениях, сам был цензором Александра Пушкина. В обществе читали копии приговора Ф.Достоевскому в ноябре 1849 года с резолюцией Николая I:

«Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив копию с преступного письма литератора Белинского, читал это письмо в собраниях. Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием «Солдатская беседа». Поэтому военный суд приговорил отставного инженер-поручика Достоевского за недонесение – лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием». Резолюция Николая: «На четыре года на каторгу, потом рядовым. Помилование объявить лишь в ту минуту, когда все уже будет готово к исполнению казни».

Александр Герцен писал в 1848 году: «Семилетняя ночь опустилась на Россию». Политику Николая I, политику репрессий в российском обществе стали называть государственным террором. Великий русский поэт Николай Некрасов писал о деле петрашевцев:

«Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор».

Литератор Павел Анненков писал о 1848 годе в Российской империи: «В октябре состояние Санкт-Петербурга представляется необычным: страх правительства перед революцией, террор внутри, преследование печати, усиление полиции, подозрительность, репрессивные меры без нужды и без границ. Терроризация достигла и провинции. Возникает царство грабежа и благонамеренности в размерах еще небывалых. На счету полиции были и все те, которые молчали, которые не вмешивались ни во что и смотрели со стороны на происходящее. Их подстерегали, на каждом шагу предчувствуя врагов. Жить стало крайне трудно. Люди жили, словно притаившись».

Власти запретили слово «прогресс», произнесение слова «вольный дух» считалось преступлением. Тайные доносы усложняли жизнь до такой степени, что многие подданные стали опасаться за каждый свой день, думая, что он может оказаться последним. Цензор-литератор А.Никитенко писал в дневнике: «Варварство торжествует свою дикую победу над умом человеческим, над образованием. Произвол, облеченный властью, в апогее. Всякое поползновение мыслить, всякий благородный порыв клеймятся и обрекаются гонению и гибели». Современник писал: «Русский человек смотрел на свою жизнь, как на истертые штаны, о которых не стоит заботиться».

Моральный крах созданной Николаем государственной машины произошел во время позорной Крымской войны 1853–1855 годов. К этому времени Николай I императорствовал почти тридцать лет. Вдруг оказалось, что промышленная и техническая отсталость николаевской России была вопиющей. В обществе заговорили о тотальной неспособности власти, почти сплошь представленной необразованными и непрофессиональными людьми, стремившимися только к личному обогащению. Николай I запустил механизм народного и революционного движения в империи, которое с середины XIX века стало развиваться стремительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.